

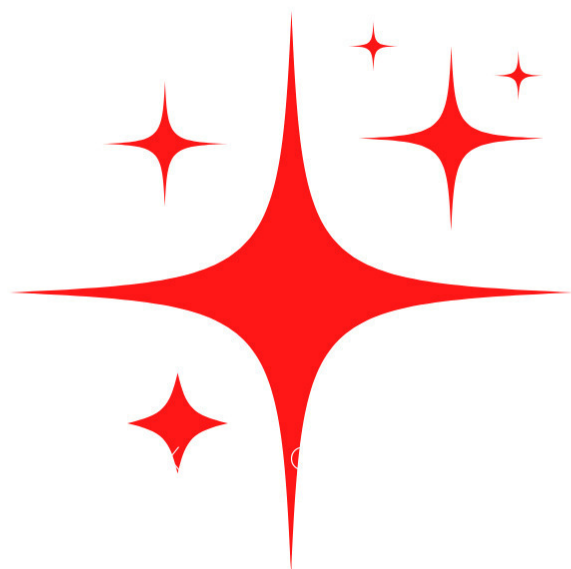
АНДРЕЙ ШЛЯХОВ

ДОКТОР ДАНИЛОВ

И

МЕДИЦИНА

БУДУЩЕГО

Доктор Данилов

Андрей Шляхов

**Доктор Данилов и
медицина будущего**

«Автор»

2023

Шляхов А. Л.

Доктор Данилов и медицина будущего / А. Л. Шляхов —
«Автор», 2023 — (Доктор Данилов)

Сбор материалов для невинной научной работы едва не закончился смертью доцента Данилова... Какие тайны сокрыты в столичной больнице имени академика Буракова? Вопросов возникает много, а вот с ответами дело обстоит туго. Но настойчивости Данилову не занимать, особенно если ему в сердце стучит чайник...

© Шляхов А. Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая. Казус-фигазус	6
Глава вторая. Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется, когда никто не признается...	12
Глава третья. Любой вид зависимости плох	17
Глава четвертая. Слово главного врача – это конституция, а слово начмеда – закон	22
Глава пятая. Есть такое лекарство – галоперидол	28
Глава шестая. Интересные дела	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Шляхов

Доктор Данилов и медицина будущего

Соблюдая установленные традиции, автор сообщает своим уважаемым читателям и вообще всему человечеству, что все события, о которых рассказывается в этой книге, являются продуктом его буйного неукротимого воображения, точно так же, как и имена действующих лиц, которые выдуманы от первой буквы до последней. Короче говоря, все совпадения случайны, а за их количество автор никакой ответственности не несет... Но мы-то с вами хорошо знаем, что ничего случайного в этом мире нет и быть не может.

«Нет двух путей добра и зла,

Есть два пути добра...»

Николай Минский, «Два пути»

«В медицину будущего нужно верить!»

Гиппократ, из неопубликованного

Глава первая. Казус-фигазус

Под утро Данилову приснился идиотский сон. Родная шестьдесят вторая подстанция. Суточное дежурство. Нужно ехать на вызов, а кардиографа нет. Данилов пытается получить у старшего фельдшера Надьки Казначеевой другой кардиограф, но вредная Надька говорит, что, согласно новому приказу главного врача, аппаратура теперь выдается только под денежный залог и называет какую-то астрономическую сумму (точная цифра в памяти не отложилась, помнилось лишь то, что была она невероятной). Данилов мечется по подстанции, пытаясь перехватить у народа денег, но никто не может его выручить, а вызов тем временем «стоит». И вдруг диспетчер Сиротина объявляет по громкой связи: «Срочно наведите порядок на кухне!». Эта кодовая фраза означает, что на подстанции находится линейный контроль. Выхода нет – Данилов выхватывает из Надькиных рук кардиограф и бежит с ним по длинному бесконечному коридору. Спотыкается, падает, просыпается и удивляется тому, откуда что берется – подстанцию давно не вспоминал, с кардиографами в последнее время дела не имел, деньги ни у кого не одалживал, с линейными контролерами не общался, Казначееву с Сиротиной не вспоминал, а ведь всплыло же из глубин бессознательного и оформилось вот в такую кафкианскую хрень.

– Я всегда подозревала, что ты неравнодушен к Казначеевой, – поддела жена, когда Данилов за завтраком рассказал ей сон.

От неожиданности Данилов чуть не подавился куском сардельки.

– Я же видела, как ты на нее смотрел, – продолжала ерничать жена. – Прямо глаза горели...

– Горели, – кивнул Данилов. – Ненавистью. А уж как руки чесались, кто бы знал...

– От ненависти до любви один шаг!

Прав был Ходжа Насреддин, сказавший, что тот, кто спорит с женой сокращает свое долголетие. На протяжении всей семейной жизни последнее слово всегда оставалось за Еленой, хотя далеко не всегда выходило так, как ей хотелось. Во время ужина Данилов с удовольствием бы порассуждал о том, что ненависть бывает разной и вообще эмоциям свойственно иногда менять вектор, но завтрак к философствованию не располагает. Поел наскоро, залпом выпил кофе – и беги навстречу новым трудовым свершениям.

Сегодняшний день обещал быть приятным – предстояла спокойная аналитическая работа вдали от родной кафедры и связанной с ней суеты. По средам Данилов работал в больнице имени Буракова, бывшей медсанчасти автомобильного завода имени Ленинского комсомола, где в сентябре 2022 года открылся скорпомощной стационарный комплекс. В департаменте эти комплексы пафосно называли «островками медицины будущего» или же скромно «приемными отделениями нового типа», но официальное название лучше всего отражало суть. Действительно – комплекс. Скорпомощной. Стационарный. На первом этаже – приемное отделение, в котором пациентов распределяют по трем потокам, в зависимости от тяжести состояния. Второй этаж – реанимационный, на третьем – тридцатикоечное диагностическое отделение и лаборатория, на четвертом – семь разнопрофильных операционных, а на крыше – вертолетная площадка для санитарной авиации.

Смысл комплекса состоит в том, чтобы обследовать поступивших в минимальные сроки и быстро оказать им необходимую помощь, в том числе и высокотехнологичную. Если в бизнесе время – деньги, то в медицине время – это жизнь. Все специалисты под рукой и нужные обследования делаются на месте. Лечащий врач стационарного отделения получает полностью обследованного пациента с подтвержденным диагнозом – бери и лечи.

Первый из шести столичных комплексов открылся в больнице имени Буракова в сентябре прошлого года. Три с половиной месяца – срок небольшой, но и не совсем маленький, уже позволяющий делать определенные выводы. Заведующий кафедрой решил, что доцент Дани-

лов справится с этой задачей лучше других и теперь по средам Данилов работал на выезде с отчетами и историями болезни. Если бы больница перешла «в цифру», то есть – начала вести медицинскую документацию в электронной форме, то можно было бы управиться быстрее, но администрация считала такой шаг преждевременным, несмотря на то что в комплексах изначально предусматривался электронный документооборот. Но скоропомощной комплекс – это часть стационара, а не отдельное структурное подразделение, и должен жить по стационарным правилам. Врачи привычно ворчали по поводу объемов писанины, но многие, в глубине души, к «цифре» не рвались, поскольку электронный документооборот не только избавляет от бумажек, но и усиливает контроль со стороны администрации. А усиление контроля, согласно закону вселенской несправедливости, гораздо чаще влечет за собой нагоняи да выговоры, нежели поощрения.

Сегодня Данилов планировал заняться окончательным «сведением концов» и написанием черновика, которому в воскресенье предстояло превратиться в готовую статью, в очередной плюс в научную карму доцента, готовящегося стать профессором. «Профессор Данилов... Уж со мной ли это происходит?» – думал Данилов, когда-то собиравшийся проработать всю жизнь выездным врачом скорой помощи. *Tempora mutantur, et nos mutamur in illis.*¹

На выходе из станции «Текстильщики» левый рукав даниловской куртки пометил какой-то особо наглый голубь. С недавних пор Мария Владимировна увлеклась гаданиями, предсказаниями, нумерологией и прочей мистической фигней, столь милой девичьему сердцу. Проявлять насмешливый скептицизм было бы неуместно. Подростки – они такие ранимые, обижаются на любые, даже самые невинные шутки и надолго замыкаются в себе. Поэтому Данилов с серьезным видом выслушивал сообщения дочери о знаках судьбы и даже участвовал в толкованиях. «А черная кошка бежала слева направо или справа налево? Справа налево, так-так... А на тебя она посмотрела? Нет? Ну тогда это хороший знак! Вот если бы бежала слева направо, да еще бы и посмотрела на тебя, тогда другое дело – кранты и финиш. Так что спи спокойно, контрольную завтра напишешь на отлично!».

Очищая рукав влажной салфеткой, Данилов машинально прокачал ситуацию. Птичья отметина на левом рукаве – к неожиданному событию. Среда – день хороший, особенно если на нее выпадает восьмое число месяца. Восемь плюс два, поскольку сейчас февраль, дает десятку – четное число, да еще и кратное пяти. Голубь прислал «сообщение» по дороге в больницу имени Буракова, следовательно там Владимира Александровича Данилова ждет какое-то приятное событие.

Внутренняя Кассандра ошиблась только в одном – событие было неприятным. Войдя в кабинет коллеги с кафедры госпитальной терапии, у которого по средам был неприсутственный день, Данилов не увидел на шкафу картонной коробки со своими бумагами. В шкафу коробки тоже не оказалось. Сестра-хозяйка терапевтического отделения, к которой Данилов обратился со своей бедой, сообщила, что кабинет доцента Гусева она убирает лично, в рамках санитарского совмещения, и никогда ничего никуда не перекладывает, поскольку «Анатолий Самсонович сильно нервничает, если что-то не на своем месте». Ну а коробку из кабинета вынести – это вообще за рамками возможного. Видела ее в пятницу, когда пыль со шкафа вытирала, а вчера и позавчера не обращала внимания (добрая женщина явно убиралась в кабинете один-два раза на неделе)...

Анатолий Самсонович, с которым Данилов связался по телефону, предположил, что коробку мог украсть какой-нибудь «озлобленный буратина» из числа студентов пятого курса, но Данилов эту версию отверг сразу же. Во-первых, доцент Гусев был известным добряком – пропусков не отмечал, на зачетах и экзаменах не валил и вообще ниже «хорошо» никому не ставил, а также не заводил романтических отношений со студентками. За что такому мстить?

¹ «Времена меняются и мы меняемся с ними (в них)» (лат.)

Во-вторых, никто из студентов не рискнет тащить по оживленным больничным коридорам громоздкую коробку. Это же стопудовое палево – как только поднимется шухер, так все сразу же вспомнят, кого они видели с коробкой. Студент скорее органайзер со стола под халатом унесет, а то и вообще ничего уносить не станет – напишет маркером на стене какую-нибудь гадость или в корзину для мусора помочится. Нет, это явно не студенты...

А кто же тогда? Кому могут понадобиться ксерокопии из историй болезни и рабочие записи, сделанные беглым неразборчивым почерком? Ладно бы то были записи о каком-то революционном клиническом исследовании, за которым охотились бы конкуренты, но статистика? Кому интересны данные, позволяющие оценить эффективность комплексного подхода к приему пациентов, может сам их получить, ведь они не засекречены. Однако, тем не менее, коробку украли. Корысть, как мотив, отпадает, вся эта макулатура представляет ценность только для одного человека – доцента Данилова, мечь тоже можно сбрасывать со счетов, потому что здесь никаких конфликтов, к счастью, не происходило... Страсть? Кто-то из местных дам воспылал к нему такой любовью, что решил сделать из рукописных бумажек фетиш? Это вообще уже ни в какие ворота не лезет – чушь полная. Но, тем не менее, коробки на месте нет и рисунок пыли на шкафу свидетельствовал о том, что украли ее вчера или позавчера – на том месте, где она стояла, пыли было меньше, чем вокруг.

Если все логичные варианты отпадают, то остается один – чей-то дурацкий розыгрыш. В больнице явно работает какой-то шутник из прошлой жизни, который явится с минуты на минуту для того, чтобы насладиться произведенным эффектом...

Данилов проскучал в кабинете до половины одиннадцатого, но никто к нему не явился. Таинственный шутник явно ждал проявления инициативы от жертвы своего идиотизма. Эмоционально выразившись по адресу шутника, Данилов отправился к заведующему терапевтическим отделением Дудышеву. Повезло – тот еще не ушел на обход, да, вдобавок, был в кабинете один. Дело несекретное, но неловко же вламываться посреди разговора.

Реакция на совершенно невинную просьбу была совершенно неожиданной.

– А зачем вам список сотрудников? – нахмурился Дудышев. – Вы же у нас не работаете, а это, в некотором роде, конфиденциальная информация.

– Почему конфиденциальная? – удивился Данилов.

– Потому что там указаны номера мобильных телефонов, – менторским тоном пояснил Дудышев. – Станут потом звонить непонятно кто, беспокоить... Да и вообще у меня нет такого списка, все нужные номера в телефонную книжку вбиты, так удобнее. А в чем, собственно, дело?

– Просто хотел узнать, не работает ли здесь кто-то из знакомых, – ответил Данилов, не желая вдаваться в подробности. – Любопытство одолело, Сергей Станиславович, люблю, знаете ли, встречи со старыми знакомыми. Посидели, повспоминали – словно бы заново прожили.

Дудышев иронично хмыкнул, явно намекая на то, любопытство одолевает тех, кому нечего делать и пододвинул к себе лежавший на столе номер журнала «Терапия» за сентябрь 2019 года. Данилов сухо кивнул и вышел, в который уже раз удивляясь тому, насколько противными могут быть люди.

Желаемое он получил в приемном отделении, без каких-либо вопросов. Недаром же старик Конфуций говорил, что близко не означает просто – надо было сразу идти сюда, а не тратить время на напыщенного индюка.

Кандидатов в шутники среди сотрудников не нашлось, попало несколько знакомых имен, без этого никак, но все они были адекватными людьми, не склонными к дурацким розыгрышам, и знакомство с ними было не настолько близким, чтобы разыгрывать друг друга.

– Нашли кого хотели? – поинтересовался дежурный врач приемного покоя, получив список сотрудников обратно.

Данилов отрицательно покачал головой.

– У нас еще и совместителей до хрена, – сказал коллега, – а здесь они не все, только дежуранты.

Недежурящие совместители, которые прибегают для того, чтобы провести консультации или исследования, а затем сразу же убегают, Данилова не интересовали, потому что у них нет ни времени, ни возможности для того, чтобы разыгрывать коллег.

Мысли зашли в тупик. Вернувшись в кабинет, Данилов не обнаружил пропажи. Часы показывали одиннадцать минут второго – шутнику давно пора было объявиться... А что, если это не шутка?

Настрой был не рабочим, а каким-то нервно-дерганым, но Данилов заставил себя сосредоточиться, чтобы восстановить по памяти хотя бы часть утраченной информации. Кое-что припомнилось, но особо обольщаться не стоило – для полного восстановления нужно было начинать все заново. Не такой уж и большой объем работы, но делать ее заново было немного обидно. «Что не успею сегодня – доделаю в пятницу, – подумал Данилов. – Студентов в эту пятницу нет, шеф меня отпустит. А куда приткнуться – разберусь, в крайнем случае попрошусь в ординаторскую «приемника», там всегда свободный стол найдется».

В архиве Данилова ждал очередной неприятный сюрприз (не иначе как сегодняшней голубь был посланником злых сил мироздания). Заведующая архивом, милейшая Елена Денисовна, в прошлые разы порывавшаяся напоить его чаем, сегодня смотрела сурово и цедила слова сквозь плотно сжатые губы. Нужные истории болезни выдать отказалась, сославшись на распоряжение заместителя главного врача по медицинской части Колбиной.

– Что-то случилось, Елена Денисовна? – удивился Данилов.

– Мне не докладывают о том, что случается! – отрезала Елена Денисовна. – Все вопросы к Евгении Юрьевне!

«Тут явно что-то не так! – констатировал Данилов, поднимаясь из подвала, в котором находился архив, на второй этаж административного корпуса. – Что-то произошло. Но что именно?».

Евгения Юрьевна в прошлую встречу, при знакомстве, ничем угощать Данилова не порывалась, но держалась приветливо и поведала, что в юности тоже мечтала осесть на кафедре, но жизнь распорядилась иначе. Сегодня от бывшего расположения не осталось и следа – строгий взгляд, металлическая сухость в голосе, да еще и пухлые губы кривились неприязненно.

– Да – было такое распоряжение! И не на пустом месте! Вот вы брали историю Бульбича, а после мне из газеты «Московский пустословец» какой-то прохиндей звонил, интересовался его делами. А кто ему информацию слил? Явно кто-то со стороны! В своих сотрудниках я уверена, ведь каждого сама на работу принимала... А вот в вас, извините, нет!

Щеки грозно раздуваются, необъятный бюст колыхается, глаза грозно сверкают, того и гляди волосы дыбом встанут... Ну прямо гибрид Медузы Горгоны с мадам Грицацуевой.

– Вы подозреваете меня в том, что я слил конфиденциальную медицинскую информацию налево? – спросил Данилов, когда Медуза Грицацуева умолкла для того, чтобы перевести дух. – В «Московский пустословец»? А в убийстве Ларисы Груздевой вы меня случайно не подозреваете?

– Убийствами я не занимаюсь! – с гордостью ответила собеседница, обнаруживая вопиющее незнание классики. – Я за порядком в больнице слежу! И вы этот порядок нарушаете! Мы пошли вам навстречу, как научному работнику, а вы начали делать гадости за нашей спиной...

«Я тобой искренне восхищаюсь, Вова! – сказал внутренний голос. – Продолжай сохранять спокойствие и ни в коем случае не опускайся до экспрессивной лексики и простонародных выражений. Лучше спроси – не она ли скоммуниздила твою шкатулку с сокровищами? Глядишь и признается сгоряча...».

– Так это вы забрали коробку с моими материалами? – спросил Данилов, дождавшись очередной вентиляционной паузы.

– Коробку? – Евгения Юрьевна сложила небрежно выщипанные брови домиком. – Какую коробку?

– Мою! – Данилов, незаметно для себя, перешел на телеграфный тон. – С материалами. Из кабинета Гусева. Вчера. Или позавчера? Зачем? Что? Вообще? Происходит?

– Так у вас еще и материалы пропали?! – Евгения Юрьевна перешла с басовитого контральто на визг. – Хорошее дело! Да что вы вообще творите?! Мало ли в чьих руках окажется конфиденциальная медицинская информация?! Вы вообще отдаете себе отчет в своих действиях?!

– Я – отдаю! – сказал Данилов, сделав упор на первом слове.

Прощаться он не стал – не та сложилась обстановка, чтобы приличия соблюдать. Пусть Колбина спасибо скажет, что ее по известному адресу не послали... Да – чем ближе к старости, тем сдержаннее становится Вовка Данилов... Хорошо ли это? А хрен его знает! Наверное – хорошо... Но сейчас главное – разобраться во всей этой кафкианской ситуации...

Шерлоку Холмсу везло – у него были трубка, скрипка, камин, у которого так хорошо размышлять, и доктор Ватсон, на котором так удобно было оттачивать мысли. Из всего этого набора у Данилова была только скрипка и не под рукой, а дома. Пока доедешь – вконец изведешься от всех этих непоняток. Поэтому Данилов выбрал более оптимальный путь – завернул в подвальчик недалеко от больничных ворот, где уже однажды пил кофе, заказал чашечку «повосточному» плюс рюмку коньяка и попытался отрешиться от всего сущего, глядя на огромную, во всю стену, картину с изображением библейской горы Арарат.

Озарение пришло после того, как опрокинутый залпом коньяк был запит глотком обжигающе горячего кофе. «Ты идиот, Вова! – сказал себе Данилов. – Мог бы и сразу догадаться, а не выдумывать истории с розыгрышами. Сказано же: «*cui prodest*» – «ищи того, кому выгодно». А выгодно это может быть только одному человеку, который, в силу своего гнусного характера, способен на любые подлости».

С одной стороны, было немного обидно из-за своего тугодумства – мог бы и сразу догадаться, а не городить огороды. С другой стороны, внутри теплой, уютной волной разлилось спокойствие, вызванное определенностью. Дело было за малым – вывести негодяя на чистую воду. Доказательств у Данилова не было, но тому же Шерлоку Холмсу железная логика позволяла разоблачать преступников и без доказательств – сами признавались, как миленькие. Того же Кэлвертона Смита, убившего своего племянника, Холмс разоблачил при помощи элементарной провокации, свидетелем которой был Ватсон. У Данилова казус-фигазус попроще, поэтому можно обойтись и без ассистента. Завтра он прижмет нехорошего человека к стенке, заставит его признаться в содеянном, а затем... А затем во всем мире воцарится справедливость, зло будет наказано, добро восторжествует и поможет своему посланнику в сжатые сроки восстановить утраченные материалы. Нельзя исключить и того, что нехороший человек сам все вернет, желая загасить скандал в зародыше. Нехорошие люди не любят скандалов, они им что шило в одном месте, ущерб для и без того подмоченной репутации. Что там говорил шекспировский Яго? «*Good name in man and woman, dear my lord, is the immediate jewel of their souls*» – «Доброе имя есть истинная жемчужина души». У нехороших людей нет никаких жемчужин, но им очень хочется, чтобы окружающие верили в их наличие.

За ужином Данилов поделился своими соображениями с женой.

– Однако у вас тот еще клубок змей, – сказала Елена. – Еще почище нашего...

– Чего удивляться? – усмехнулся Данилов. – Люди кругом одинаковые, что у вас, что у нас, что везде... Хочется, чтобы они были лучше, но от наших желаний мало что зависит. Но ты мне скажи, как сторонний эксперт – я прав в своих домыслах или не прав?

– Мой муж всегда во всем прав! – Елена широко улыбнулась. – Он может быть только прав, потому что умнее него нет человека на Земле!

– Повтори, пожалуйста, под запись, – Данилов взял лежавший на кухонном столе телефон. – А то память с годами слабеет, вдруг забуду, а слова такие хорошие, прямо бальзам на душу...

– Ты только постарайся обойтись без рукоприкладства! – посуровела Елена. – А то знаю я тебя – чуть что, так в зубы.

– Давай еще что-нибудь вспомни, – посоветовал Данилов. – Например, как Сафонов назвал тебя «некомпетентной выскочкой и самодуркой».² Или как я на третьем курсе на свидание опоздал, потому что деда на «Китай-городе» откачивал... На мне грехов много, одним меньше или одним больше – без разницы. Но из уважения к тебе я постараюсь обойтись без рукоприкладства. Честное медицинское!

² См. первый роман из цикла о докторе Данилове «Скорая помощь. Обычные ужасы и необычная жизнь доктора Данилова».

Глава вторая. Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется, когда никто не признается...

Определяющее значение в разговоре имеют первая и последняя фразы. Первая задает разговору тон, в последняя формирует послевкусие, которое, собственно, и запоминается. Нехороших людей надо брать за жабры резко и сжимать крепко, поэтому в качестве первой фразы Данилов выбрал: «Я все знаю, можешь не отпираться!», а последней должно было стать суровое предупреждение: «Больше так никогда не делай!», страхующее от повторения неприятностей. Сработает ли? Данилов был уверен, что сработает. Угодяй – далеко не Штирлиц и не герой-подпольщик. Твердости в нем ровно столько же, сколько и в той субстанции, с которой он ассоциируется. Нажми – и поплывет.

Когда шеф поручил Данилову проанализировать работу скорпомощного стационарного комплекса, доцент Савельев сначала сказал, что три месяца – это крайне малый срок, а затем прозрачно намекнул на то, что сам он гораздо лучше справился бы с этой задачей, поскольку аналитическая работа является его коньком. Понимать эти слова следовало так – я здесь один умный, а остальные годятся только на то, чтобы занятия со студентами проводить. Шеф, конечно же, осадил дурака, причем в довольно резкой форме. Савельев заткнулся, но затаил зло и решил отомстить. И неплохо так отомстил – двойным ударом. Мало того, что организовал кражу рабочих материалов, так вдобавок еще и больничную администрацию настроил против Данилова. Как научный работник, врач и преподаватель Савельев был полный ноль, но пакостить умел виртуозно и изощренно. Напакостит и первым же почувствует – ай-яй-яй, какая жалость... Прозвище Угодяй (сокращение от «угодливый негодяй») подходило ему как нельзя лучше, и Данилову приходилось делать над собой усилие для того, чтобы не называть так коллегу в глаза.

На ловца, как известно, и зверь бежит – Данилов столкнулся с Савельевым у входа в корпус.

– Надо поговорить, – сказал Данилов, беря Угодяя под локоть.

– Я вообще-то тороплюсь! – затрепыхался Савельев. – У меня запланирован важный звонок...

Он попытался высвободить руку, но не смог – привычка разминать резиновое кольцо во время просмотра фильмов придала даниловским пальцам крепость железа. «Знает кошка, чье мясо съела», подумал Данилов, окончательно убеждаясь в правоте своих догадок.

В закутке за гардеробом Данилов многозначительно посмотрел Савельеву в глаза. Тот сразу же отвел взгляд в сторону и поторопил:

– Говорите скорее! Я же сказал, что спешу!

– Я не люблю, когда мне пакостят, – тихо, но строго, начал Данилов. – А еще больше не люблю, когда меня поливают грязью. Не нарывайтесь, Родион Николаевич! Верните мои материалы, если вы их не выбросили, и скажите, кому следует, что вы меня оговорили...

– Какие материалы?! – Савельев широко распахнул свои бесстыжие глаза и отрицательно затряс головой. – Вы о чем?!

Недоумение он разыгрывал замечательно, Станиславский оценил бы, но на Данилова притворство не подействовало.

– Вы прекрасно знаете какие! – сказал он. – Они лежали в коробке, которая стояла на шкафу в кабинете Гусева...

– Какого Гусева? – не сдавался Савельев. – Не знаю я никакого Гусева и материалов ваших в глаза не видел! Вы что – пьяны? – он шумно втянул воздух костистым носом, похожим

на птичий клюв. – Или закинулись с утра пораньше? – последовал пристальный взгляд в глаза. – Что вы вообще себе нафантазировали? Пустите, я спешу!

Тычок был настолько сильным, что Данилов едва устоял на ногах. До последней фразы дело не дошло, да и вообще разговор пошел не так, как планировал Данилов – наглости у Савельева оказалось не меньше, чем подлости. Как говорил водитель Николай Петрович, работавший с Даниловым на шестьдесят второй подстанции: «такого без утюга на чистую воду не выведешь». Раньше был действенный способ борьбы с такими подонками. Пощечина – и к барьеру! Впрочем, это тоже не метод, потому что подонок может стрелять лучше...

«Сам виноват! – упрекнул внутренний голос. – Нечего было оставлять материалы в больнице. Дома им было бы спокойнее». «Может тогда и с кафедры все бумаги домой унести? – огрызнулся Данилов. – Купить сейф, размером со шкаф, сигнализацию к нему подвести...».

Подумав, Данилов решил не рассказывать шефу о своих подозрениях в адрес Савельева, а то это будет выглядеть как ябедничанье. Достаточно будет сказать о пропаже материалов и попросить повлиять на больничную администрацию, а напрашивающиеся выводы шеф сделает самостоятельно. Но оказалось, что Угодяй считает атаку лучшим способом защиты. В двенадцатом часу шеф пригласил Данилова к себе и дал прочесть докладную записку, в которой Савельев требовал принять необходимые меры к доценту Данилову В. А., поведение которого несовместимо с высоким званием научного работника. «Испытывая ко мне стойкую личную неприязнь, причины которой мне неизвестны, Данилов В. А. обвинил меня в похищении его рабочих материалов и в распространении порочащих его слухов. Я попытался объяснить, что не делал ни того, ни другого, но Данилов В. А. не стал меня слушать, а перешел к угрозам в мой адрес. Угрозы были высказаны в завуалированной форме, но смысл их сводился к тому, что в случае невозвращения материалов меня ждут крупные неприятности. К месту хочу заметить, что еще во время работы выездным врачом на шестьдесят второй подстанции Данилов В. А. получил выговор за избиение одного из своих коллег...».

– Откуда он знает про выговор? – вслух удивился Данилов.

– Было такое дело? – поинтересовался шеф.

– Избиения не было, Владислав Петрович, – уточнил Данилов. – Просто дал по морде, один раз. Поверьте, было за что, но это меня не оправдывает, конечно. А Савельеву я просто посоветовал не нарываться, только и всего. Я надеялся, что до него дойдет, но не дошло.

– Рассказывайте подробно, что там произошло с материалами! – потребовал шеф, устраиваясь поудобнее в своем огромном кресле. – А потом объяснительную напишете...

Данилов изложил голые факты, без своих соображений. Коробка исчезла неизвестно куда, а начмед³ словно подменили. Раньше была адекватной теткой, а теперь обвиняет в разглашении медицинской информации и на этом основании закрыла доступ в архив.

– Для меня эта работа – не вопрос жизни и смерти, но чисто из принципа хотелось бы довести начатое до конца, – сказал в завершение Данилов. – Да и интересно же...

– Интересно, – согласился шеф. – Что ж – если энтузиазм не улетучился, то доводите. Думаю, что мне удастся договориться с больничной администрацией. Только вот что, Владимир Александрович... – шеф многозначительно поиграл бровями. – Перед Савельевым вам придется извиниться.

– Даже и не подумаю! – вскинулся Данилов. – Он сподличал, а я должен перед ним извиняться? Простите, Владислав Петрович, но при всем уважении...

– Я уверен, что Савельев здесь не при чем! – шеф пристукнул по столу кулаком, давая понять, что споры излишни. – Я знаю его, как облупленного. Да – он пакостник, но при том еще и мандражист, пакости делает таким образом, чтобы не подставляться. Невозможно представить, чтобы Савельев тайком проник бы в чужой кабинет и вынес оттуда коробку с вашими

³ Начмед – жаргонное название заместителя главного врача по медицинской части (по лечебной работе).

бумагами. Там же, небось, камеры кругом. Кстати, а записями с камер вы не поинтересовались, а?

– Кто же мне их покажет, если мне даже в архив допуск перекрыли? – усмехнулся Данилов. – Да и нет у гусевского кабинета камер, они только в холле у лифта и на сестринском посту. Из кабинета можно выйти на лестницу незамеченным. К тому же коробка стандартная, мне ее в архиве выдали, пока были между нами любовь и приязнь. С такими много кто по больнице ходит. А по части Савельева я с вами полностью согласен – сам он коробку красть ни за что бы не стал. Но ведь можно попросить кого-то из студентов. Там же три наши кафедры – госпитальной терапии, неврологии и урологии...

Шеф отрицательно покачал головой.

– Почему бы и не украсть коробку за плату или ответную услугу? – продолжал Данилов. – За экзамен или зачет? Савельев умеет поддерживать связи, у него повсюду свои люди есть...

– Ну я ж вам сказал, что он не станет подставляться! – в голосе шефа зазвучало раздражение. – Вы никогда не задумывались над тем, почему я от него не избавляюсь?

Данилов пожал плечами – не мое это дело.

– Потому что мне спокойнее держать его под контролем. Лучше пусть сидит здесь, чем где-то там, – шеф махнул рукой в сторону окна, – вне пределов досягаемости... Савельев никогда не станет связываться со студентами или с кем-то еще. Это опасно. Его же могут потом шантажировать и он, будучи человеком осторожным, обязательно должен учитывать такую возможность...

– У коробки выросли ножки, она встала на них и убежала, – невесело пошутил Данилов, намекая на то, что он не согласен с доводами шефа.

– Разумеется – нет! – в голосе шефа ошутимо прибавилось раздражения. – Если коробки нет на месте, то ее кто-то украл! Но не Родион Николаевич. Не его стиль!

– Ну а кому еще это надо? – Данилов пытливо посмотрел в глаза шефу. – Больничной администрации? Зачем? Мое исследование не могло нанести никакого ущерба репутации больницы – я же брал сведения из официальных отчетов и из сданных в архив историй, работал с документами, которые прошли, так сказать, апробацию у руководства. Да и вырисовывалось все хорошо...

– Про администрацию – разговор отдельный, – нахмурился шеф. – Как можно обвинять врача с большим стажем, доцента кафедры, в разглашении конфиденциальной информации, не имея доказательств? Это за версту отдает идиотизмом, но, тем не менее, это имело место...

– Потому что больше им нечего было мне предъявить! – вставил Данилов.

– Давайте посмотрим на ситуацию с другой стороны, – шеф выдержал небольшую интригующую паузу. – Неужели ради Савельева начмед крупной столичной больницы станет выставлять себя дураком, рискуя при этом испортить отношения со мной?

Давняя, еще со студенческой скамьи, дружба шефа с директором департамента здравоохранения Соловьем не была ни для кого секретом.

– Чем он ее купил? – продолжал шеф. – Денег предложил? Или в главврачи продвинуть пообещал? Вы меня простите, Владимир Александрович, но как-то вот не верится... Нет, Савельев явно не при чем. Поговорите с ним и напишите мне, – шеф дважды стукнул указательным пальцем по столу, – покаянную объяснительную. Если инцидент будет исперчен, я ограничусь устным замечанием – сначала подумайте хорошо, а потом уже предъявляйте претензии.

– Ваши доводы весьма убедительны, Владислав Петрович, – признал Данилов после полуминутной паузы. – Но, если не Савельев, то кто же? У меня там не было никаких конфликтов. Я приходил, брал отчеты и истории, корпел над ними, а перед уходом немного общался с сотрудниками комплекса – интересовался их впечатлениями и тем, как идет работа. Интересовался в позитивном ключе – что стало лучше, коллеги? – на недостатках внимания не заострял. И за это меня стали выживать из больницы? Удивительно!

Шеф откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди и испытующе посмотрел на Данилова.

– Вот совсем ничего в голову не приходит, – признался Данилов. – Ну, разве что начмед Евгения Юрьевна рассчитывала, что я ей соавторство предложу... Но с ее стороны никаких намеков не было...

– Не могу судить, – шеф картинно развел руками. – И предположений делать тоже не стану, ибо я не в теме. Могу только рассказать случай из собственной жизни. Хотите?

Данилов кивнул.

– Ординатуру я проходил в шестьдесят седьмой больнице, – начал шеф, сменив свой обычный резковатый тон на плавные интонации рассказчика. – И в аспирантуре остался там же. Все знакомо, люди кругом хорошие, можно сказать – уже свои, отношения со всеми ровные... И вдруг на втором году меня начинает гнобить заведующий отделением Николай Владимирович! Ни с того, ни с сего, без каких-либо предпосылок с моей стороны. Именно – гнобить, а не просто придирается. Критикует все мои действия, причем в оскорбительной форме. Наиболее мягким было выражение: «Не надейтесь, что ученая степень может заменить мозги!». Всячески дураком меня выставить пытался, и на обходах, и на пятиминутках. Дежурство ему сдам – и давление двести на сто двадцать, а я тогда был молодой, здоровый, плаванием всерьез занимался, первый разряд имел, – шеф с сожалением похлопал себя по обтянутому халатом животу. – Медсестры, видя такое отношение начальства, совершенно перестали со мной считаться. Огрызались на каждое слово, саботировали распоряжения. Медсестра чего-то не сделает, а шишки мне достаются... Сожрать меня он не мог, потому что я был аспирантом, но грыз постоянно. А я никак понять не могу – за что? Попытался по душам поговорить – нарвался на скандал. Как вы смеете мне претензии предъявлять?! Да кто вы такой?! И деваться мне было некуда, – шеф снова развел руками. – Куда аспирант денется от своего научного руководителя? Да и вообще не было тогда такого обычая – посреди аспирантуры с одной базы на другую переходить. Ну что, Владимир Александрович, ситуацию я вам обрисовал. Какие будут предположения?

– Одно из двух – ревность или опасения по поводу того, что вы можете занять его место, – ответил Данилов. – Больше ничего в голову не приходит.

– Ревность – это не про меня, – усмехнулся шеф. – Я никогда не объединял романтическое с рабочим, принципиально. А насчет «занять место» вы совершенно правы. Добрые люди просветили, что как-то раз главный врач сказал на совещании заведующих, что у Замятина есть потенциал. Я незадолго до того отличился во время дежурства, в хорошем смысле. Ну главный сказал и сказал, а Николая Владимировича, что называется, «замкнуло» и начал он создавать мне жизненно невыносимые условия. Так-то вот.

– И чем все закончилось? – полюбопытствовал Данилов.

– Я, как вы можете догадаться, окончил аспирантуру и благополучно защитился, – с улыбкой ответил шеф. – В спокойной обстановке, потому что Николая Владимировича сняли с заведования за плохую организацию работы...

По взгляду шефа несложно было понять, что инициатором снятия был он. Опасный человек, пальца ему в рот не клади и в карты с ним играть не садись (впрочем, ни того, ни другого, Данилов делать не собирался).

– То есть, вы хотите сказать, что кто-то из больничной администрации мог подумать, что я подкапываюсь под него? – Данилов с сомнением посмотрел на шефа. – Определенная логика в этом есть, но доцентом кафедры, на мой взгляд, быть приятнее. Да и биография моя свидетельствует о том, что желания руководить у меня нет. Было бы – до сих пор сидел бы в Севастополе или в министерство перешел бы...

– Приятнее – это с вашей личной точки зрения, – возразил шеф. – Но многие считают иначе. И ваше возвращение на кафедру можно объяснить не собственным желанием, а

карьерным фиаско – поперли его с высокой должности, вот и вернулся обратно. Большинство именно так и подумает, и решит, что вы хотите взять реванш. В практическом здравоохранении карьеры делаются быстрее, чем в научной сфере, а руководство таким новшеством, как комплекс, сулит большие перспективы. В карьере главное что? Быть на виду! Во время пандемии главврача «Коммунарки» Денисюка чуть директором департамента не назначили, исключительно на волне его великой популярности... Так что ищите концы там, а не на кафедре, Владимир Александрович. А этой... как ее...

– Колбиной, – подсказал Данилов.

– Колбиной я позвоню и попрошу обеспечить вам условия для работы. А вы решите вопрос с Савельевым.

«Вопрос с Савельевым» Данилов решил в лаконичной форме. Вошел в кабинет к Угодяю, отметив при этом, как тот сразу напрягся, сказал: «Прошу меня извинить за бездоказательное обвинение» и сразу же вышел. Объяснительная тоже получилась короткой. «Довожу до вашего сведения, что взаимное недопонимание между мною и доцентом Савельевым Р. Н. ликвидировано». Не тот случай, чтобы мыслью по древу растекаться.

Разговор с Колбиной представлял большую сложность. Данилов решил изложить ей свои взгляды на карьеру, а она пускай передает информацию по назначению, тому, кто волнуется. Может, она и сама заволновалась? Что ж, можно понять, ей же, если судить по виду, около шестидесяти, а для администратора это крайне волнительный возраст. Чуть что – и на пенсию.

Глава третья. Любой вид зависимости плох

Дома Данилов о коробке не рассказывал – не хотел осложнять и без того напряженную обстановку. У Елены, практически одновременно, с разницей в день, произошли две неприятности на работе – серьезная и крупная.

На вызове «отличилась» бригада тридцать восьмой подстанции, входившей в Еленин «куст»,⁴ причем бригада, бывшая на хорошем счету. К пожилому мужчине, внезапно потерявшему сознание, «скорую» вызвала домработница-узбечка, едва-едва говорившая по-русски (и как только у нее вызов смогли принять?). Видимо внук пациента, у которого оказался геморрагический инсульт, не особо доверял домработнице и потому наставил по квартире скрытых камер. А, может, он просто был из тех, кто предпочитает держать все под контролем, но это неважно. Важно то, что камера зафиксировала, как один из приехавших медиков занимается с дедом, а другой деловито обшаривает прикроватную тумбочку, карманы висевшего на стуле пиджака и ящики комода (домработница в спальне не присутствовала, то ли из деликатности, то ли занималась наведением порядка в других помещениях). Согласно традициям нашего времени, запись была не только отправлена главному врачу Станции скорой помощи, но и выложена на Ютубе, где пользовалась огромной популярностью.

Бригада стояла на том, что фельдшер пытался найти паспорт или какой-то другой документ, поскольку домработница никакой информации дать не могла. Оправдание выглядело идиотским. Во-первых, особой нужды в идентификации не было, поскольку пациента забирали не с улицы, а из квартиры или, как говорят на «скорой» – «с адреса». Зная адрес, несложно получить нужную информацию. Во-вторых, свежий геморрагический инсульт – это тяжелое состояние, требующее экстренного оказания адекватной медицинской помощи. В такой ситуации фельдшер не должен был отвлекаться на поиски документов. Но, как известно, из двух зол следует выбирать наименьшее – лучше выглядеть идиотами, чем ворами.

В медицине, как, впрочем, и в других сферах, существует железное правило: «чем сильнее резонанс, тем круче и показательнее будут принятые меры». Без ролика на Ютубе дело закончилось бы «малой кровью» – увольнением провинившихся и выговором заведующему подстанцией, а, может, и без выговора обошлось бы. Ну не может же заведующий заглянуть в душу каждому сотруднику, ориентироваться приходится только на сигналы от населения, а на этих прохвостов, несмотря на то что они проработали на подстанции около двух лет, никаких сигналов не поступало – явно работали с умом.

Елена была уверена в том, что дело закончится сакральной жертвой – снимут то ли недавно назначенного заведующего подстанцией, то ли ее саму, как хозяйку «куста». На московской «скорой» давно уже взят курс на омолаживание руководящих кадров, да и вообще слишком долгое пребывание на одной должности считается нежелательным – глаза «замыливаются», администратор вязнет в рутине и становится невосприимчив к новому (разумеется, главного врача все это не касается – небожители живут по своим правилам). Карьерные перспективы Елены были нулевыми, поскольку директора регионального объединения, одновременно являющегося одним из заместителей главного врача Станции скорой помощи, можно повысить только до главного врача, а это место было занято. В свое время Елену звали в департамент здравоохранения, но давно уже перестали звать – вышла из перспективного карьерного возраста. «В сорок пять баба – ягодка опять», хорохорилась Елена, но звучала у нее эта приписка не бодро, а как-то грустно.

⁴ «Куст» – жаргонное название регионального объединения скорой помощи, состоящего из нескольких подстанций. Всего в Москве существует десять региональных объединений. «Хозяин (хозяйка) «куста» – директор регионального объединения.

– Обойдется, – успокаивал жену Данилов. – У нас же каждый день – новый информационный шухер. На следующей неделе про этот обыск у деда никто и не вспомнит. Ты живи по принципу: «нам бы день простоять, да ночь продержаться», не бери в голову лишнего.

И как в воду смотрел! В понедельник про обыск никто не вспоминал, потому что на «скорой» произошла трагедия – на семидесятой подстанции, после отработки последней смены, отравился снотворным тридцатилетний врач, которого заведующий долго выживал с подстанции и, наконец-то, выжил. С концами. Сдав дежурство, самоубийца написал прощальную записку, в которой винил в своей смерти администрацию, положил ее в свой шкафчик, а затем прилег на часок-другой в комнате отдыха. Ничего необычного в этом не было – уработался человек за смену настолько, что сил нет до дома добираться. Старая смена ушла, новая разъехалась по вызовам и только полудня заглянувшая в комнату диспетчер обратила внимание на то, что спящий, кажется, не дышит... Кто-то из сотрудников слил информацию вместе с фотографией предсмертной записки в «Московский пустословец», который уже в понедельник опубликовал статью под названием «Смерть на «скорой». Не обладая достаточной информацией, автор наполнил свой опус предположениями – начал с злоупотребления веществами, а закончил происками всемогущей медицинской мафии. Человек обладал важной информацией, которую собирался предать огласке после увольнения, вот мафия его и устранила.

Для того, чтобы «раскрутить» публикацию, нет ничего лучше набора предположений – читатель выберет ту версию, которая ему по душе, и станет отстаивать ее в Сети, то и дело упоминая название статьи. Правомерность публикации текста предсмертной записки вызывала сомнения, но скоропомощному руководству было не до подачи иска к газете – требовалось срочно тушить пожар. Как? Как обычно – очередной сакральной жертвой.

– Что там было на самом деле? – спросил у Елены Данилов.

– Коса нашла на камень, – вздохнула та. – Парень был хороший, и как человек, и как врач. Грамотный, спокойный, всегда готовый подставить плечо... Но при этом – перфекционист. Сам стремился к идеальному и других за собой тянул. А у заведующего подстанцией тоже есть характер. Редко кто бывает против обсуждения проблем в кабинете, с глазу на глаз, но никому не нравится, когда сотрудники, причем – молодые, поучают его во время пятиминуток, да еще и регулярно. Опять же, надо понимать, что заведующий может исправить, а что – нет... Ну а перфекционистам нужно, чтобы все было правильно, в детали они обычно не вникают. По хорошему он уходил не хотел, я даже предлагала ему должность старшего врача на шестьдесят восьмой подстанции...

– Ну ты змея! – восхитился Данилов. – Двух зайцев одним выстрелом!

Шестьдесят восьмой подстанцией, входящей в Еленин «куст», заведовал нехороший человек по фамилии Мимишин, всячески пытавшийся подкопаться под директора регионального объединения. Только действовал он не по зову перфекционистской души, а из карьерных соображений – сам хотел стать директором региональной зоны.

– А что тут такого? – парировала Елена. – Вполне разумное административное решение. Не хочешь уходить «по собственному» – уйди на повышение. Но он отказался – если уж в старшие врачи хотите выдвинуть, то выдвигайте на родной подстанции. Было видно, что тут дело принципа – кто кого выживет?

– В этой игре, за редким исключением, побеждает тот, кто стоит выше, – вставил Данилов. – Слушай, а за что его под увольнение подвели, если он был перфекционистом? Слепили повод?

– Лепить ничего не пришлось, он сам подставился, по-глупому и по-крупному. Есть у нас такая Кабанова...

– Та, что когда-то на двадцатой подстанции комплектованием ящиков⁵ занималась? – припомнил Данилов. – А после до старшего врача там же доросла?

– Теперь уже заведует, – кривая усмешка свидетельствовала о том, что к Кабановой Елена симпатии не испытывает. – Приезжает она по линейному контролю на подстанцию, а Перфекционист в комнате отдыха телевизор смотрит и шоколадный батончик ест...

– Вопиющее нарушение санитарного режима! – Данилов округлил глаза и сокрушенно покачал головой. – Но за это максимум выговор можно дать, да и то с большой натяжкой.

– Слушай дальше, – одернула Елена. – Кабанова, разумеется, констатирует нарушение, а он интересуется – а кто вы такая? Линейный контролер? А почему без формы? Удостоверение – это фигня, я вам на цветном принтере дюжину таких могу сработать, на разные имена и должности. Кабанова в крик, а он ее открытым текстом по всем дальним адресам посылает. При прибежавших на шум сотрудников! А утром, на пятиминутке, заведующего послал. И в отделе кадров точно так же себя повел. В январе у него одно дежурство оставалось, субботнее, поэтому увольнение решили оформить тридцатым числом, чтобы замену срочно не искать, а он двадцать девятого отравился. Теперь меня точно снимут, и к гадалке не ходи.

– Мама, ты должна настроиться на самое худшее! – посоветовала приобщившаяся к стоицизму дочь. – Представь, что тебя расстреляют или приговорят к пожизненному заключению. Тогда возможное снятие с должности не будет казаться столь страшным исходом, это раз. Прочитай запасные варианты, я уверена, что тебе есть куда уйти, это два. И самое главное – не переживай по поводу того, что еще не случилось, это три. И вообще – мне бы ваши проблемы!

– Что у тебя случилось? – сразу же заволновалась Елена. – В школе что-то не так?

– Да все так, – скривилась Мария Владимировна, – только русичка дура! Мучает нас Бродским, которого только в одиннадцатом классе проходят. Типа хорошая поэзия развивает вкус и учит ценить прекрасное... Ах-ах-ах! Бродский – один из выдающихся русских поэтов! Ее послушать – так второй после Пушкина! Да еще и лауреат Нобелевской премии по литературе. Но его же наизусть заучить невозможно, спотыкаешься на каждом слове! Ни ритма, ни такта, ни внутреннего строя! То ли дело – Есенин. Взять, хотя бы «Письмо матери»: «Ты жива еще, моя старушка? Жив и я. Привет тебе, привет! Пусть струится над твоей избушкой, тот вечерний несказанный свет...». Вот это – стихи! Запоминаются с первого раза, влет. А Бродского только маразматиками, вроде нашей Жансанны заучивать могут...

– В эту зиму с ума я опять не сошел, – Данилов посмотрел в окно, за которым валил снег. – А зима, глядь, и кончилась. Шум ледохода и зеленый покров различаю. И, значит, здоров. С новым временем года поздравляю себя и, зрачок на Фонтанку слепя, я дроблю себя на сто. Пятерней по лицу провожу. И в мозгу, как в лесу, оседание наста...».⁶

– Вот! – Елена назидательно подняла вверх указательный палец. – А ты говоришь – маразматиками...

– Ну папа у нас уникам, – ловко вывернулась дочь. – Один на миллиард. Но большинству моих знакомых Есенин ближе! А молодое поколение интуитивно выбирает лучшее!

– О, да! – с пол-оборота завелась Елена. – Самое лучшее! Телеграм, Ютуб, Тикток ваш дурацкий...

– Насчет запасных вариантов Маша права, – поспешно сказал Данилов, желая перевести разговор в безопасное русло. – Помнится, что ты что-то про отдел эвакуации говорила?

– Во-первых, там уже новая заведующая, а, во-вторых, мне уже не хочется оставаться на станции, – ответила Елена. – Одни станут лезть с сочувствием, другие будут пытаться усть по

⁵ То есть пополняла недостающие медикаменты в укладках для оказания скорой медицинской помощи, которые в обиходе называют «ящиками».

⁶ И. Бродский, «Стихи в апреле».

мелочи... Даже и не знаю, что хуже. Ну и вообще, валить – так валить. Место на примете есть, сидеть на шее у мужа не собираюсь.

– Что за место? – хором спросили муж и дочь.

– Ну это пока так... Смутно-предположительно... – замялась Елена. – Был разговор в декабре с гендиректором «Главмедпомощи». Он хочет, чтобы я возглавила их скоропомощную службу. Условия хорошие, работа немного поспокойнее, правда с командировками, потому что у них куча филиалов по стране разбросана...

– Командировки – это не страшно, – заметил Данилов. – Кругозор расширишь...

– Побываешь там, где никогда не была! – добавила Маша. – Ах, путешествия – это так интересно...

– Мне другое интересно, – Данилов пристально посмотрел в глаза жены. – Ты уже в декабре понимала, что тучи могут настолько сгуститься? Или ты будущее прозревать умеешь?

– Я умею понимать, куда ветер дует, – усмехнулась Елена. – И чувствую, что скоро грянет буря... Но мы отвлеклись от темы. Маша, классика важнее всех ваших Тиктоков вместе взятых!..

Перед тем, как заснуть, Данилов нашел в Сети нужное стихотворение и сказал Елене, читавшей воспоминания о детстве Юрия Полуякова:

– Ты с классикой поосторожнее, она же ведь разная бывает. Лучше используй термин «хорошая литература».

– Это ты к чему? – удивилась Елена, откладывая книгу в сторону.

– К вашему разговору с Машей. Хочу рассказать тебе один случай из перестроечных времен. Подруга моей мамы устроилась в передовую новогиреевскую школу, незадолго до того переименованную в лицей. Лицей – это же упор на гуманитарные предметы, в частности – четыре часа в неделю факультатив по литературе. А тогда было такое дурацкое новшество. Мол, в старших классах педагог не должен руководить учебным процессом, поскольку это сковывает инициативу учащихся. Обозначь направление и помогай ученикам советами, пусть сами движутся по тернистой тропе знаний...

– Что за вздор?! – фыркнула Елена.

– Вздор, – согласился Данилов, – но тогда этот вздор был установкой. Маминой подруге предстояло провести показательный факультатив по лирике русских поэтов начала двадцатого века, который должна была оценить какая-то высокая комиссия, кажется – министерская. Она поставила перед детьми задачу, но контролировать ничего не стала. Десятый класс, почти совсем взрослые, сами разберутся прекрасно. И один из ее любимых учеников, звезда лицея, прочел вот это стихотворение.

Данилов протянул Елене телефон.

*«Расстегни свои застёжки и завязки развяжи.
Тело, жаждущее боли, нестыдливо обнажи.
Опусти к узорам темным туманенный твой взор,
Закраснейся, и засмейся, и ложися на ковёр.
Чтобы тело без помехи долго, долго истязать,
Надо руки, надо ноги крепко к кольцам привязать.
Чтобы глупые соседи не пришли на нас смотреть,
Надо окна занавесить, надо двери запереть.
Чтобы воплей не услышал ни добряк, ни лицемер,
Надо плотно оградиться глухотой немых портьер».⁷*

⁷ Ф. К. Сологуб, из цикла «Багряный пир зари» (1908).

– Что за порнография? – ахнула Елена.

– Лирическое стихотворение классика отечественной литературы Федора Сологуба, – ответил Данилов. – Написанное в начале двадцатого века. Оба условия отбора были соблюдены, но, тем не менее, скандал получился грандиозный. Бедной подруге пришлось уйти из лица в ПТУ при фабрике имени Бабаева, потому что больше никуда ее не брали. А ты говоришь – классика. Кстати, по поводу вашего перфекциониста у меня есть одно соображение.

– Какое? – заинтересованно спросила Елена.

– Сдается мне, что он не собирался уходить из жизни, а просто хотел устроить трагический перформанс. Чужая душа, конечно, потемки, и со стороны судить трудно, но вот если бы я собрался самоубиться, то не стал бы делать это на подстанции, потому что там очень велики шансы на спасение. Заметят, тут же промоют и отвезут в стационар, короче говоря – не дадут помереть. Об аффекте речи быть не может, при аффекте люди вены режут, в петлю лезут или в окно выходят, на худой конец уксусную эссенцию пьют, а не заранее припасенными таблетками травятся.

– Возможно, ты и прав, – после некоторого раздумья сказала Елена. – Но это ничего не меняет, результат важнее мотива. А поскольку в записке говорится о «невыносимом давлении администрации», то отвечать будем мы с заведующим... Хорошо, что ты у меня не перфекционист.

– Я – идеалист, – не без гордости уточнил Данилов. – А это еще хуже. Перфекционист – это состояние души, а идеализм – это зависимость.

– Кто сказал?

– Карл Юнг, ели тебе это имя о чем-то говорит, – Елена больно ткнула Данилова локтем в бок. – Он сказал, что любой вид зависимости плох, будь то зависимость от алкоголя, наркотиков или идеализма. Добавлю от себя, что зависимость от должности – это тоже плохо. Попрут – так вали, не оглядываясь, без вздохов и сожалений. Может твое истинное призвание – это организацию здравоохранения в колледже преподавать?

Глава четвертая. Слово главного врача – это конституция, а слово начмеда – закон

Данилов не раз убеждался в том, что шеф умел «строить» не только своих сотрудников, но и вообще всех людей, с которыми ему приходилось иметь дело, вплоть до ректора и проректоров, которые обращались с ним крайне уважительно, как с равным и достойным, а не как с подчиненным.

Начмед Евгения Юрьевна приняла Данилова не так радушно, как в первый раз, но и не так колюче, как в прошлый – серединка на половинку, в рабоче-деловом стиле.

– Заведующую архивом я предупредила, – сказала она с таким видом, будто сделала Данилову великое одолжение. – Проблем быть не должно, но, если уж говорить начистоту, я не понимаю, зачем вы изучаете истории болезни и зачем, вообще, появляетесь у нас? У вас же статистический анализ, вот и работайте с отчетами у себя на кафедре!

На это полагалось бы ответить в стиле незабвенного Софрона Ложкина:⁸ «Можешь советовать другим, которые помоложе, а я уже битый, сам советы давать могу». Но Данилов заранее настроил себя на доброжелательно-покладистую волну.

– Сухая цифра малоинтересна и малоинформативна, Евгения Юрьевна, – сказал он, глядя в заплывшие жиром глазки Колбиной (лишнего весу в ней было пуда три, если не все пять – как только в кресле умещалась?). – Нужны примеры, ценность которых в вашем случае определяется схожестью дополнительных условий. То же учреждение, практически те же сотрудники, но разная эффективность лечения. А что именно изменилось? Что улучшилось? Что еще можно улучшить? И так далее... Но работа моя, как вы верно сказали, статистическая, поэтому в дебри примеров я сильно не углубляюсь – не более десяти по каждой ключевой патологии. Сравниваю четвертый квартал прошлого года с первым и вторым. Если хотите, я ознакомлю вас с текстом статьи до ее публикации. Возможно, у вас будут какие-то важные замечания или дополнения. В принципе, можно оформить вам соавторство...

– Соавторство меня не интересует, – Евгения Юрьевна, позволив себе пренебрежительный взмах рукой, руки у нее при такой комплекции были не пухлыми, а довольно худыми. – Я же не научный работник. Мне важно, чтобы ваша работа пошла бы на пользу репутации нашей больницы, а не во вред, прочее несущественно. У нас же, Владимир Александрович, не совсем обычная больница...

Данилов не встречал еще руководителя, который считал бы свое учреждение обычным. Ему самому, в свое время, станция скорой помощи города Севастополя тоже казалась особенной,⁹ непохожей на другие. Ничего удивительного – проявление здорового административного патриотизма. Нужно соблюдать политес – слушать, не перебивая, и почтительно поддакивать.

– Проблем, конечно, хватает, – от вздоха Евгении Юрьевны зашевелились бумаги, лежавшие на ее столе. – Главный врач у нас новый, пришел в мае прошлого года. Освоиться не успел, как пришлось скорпомощной комплекс открывать. Честно говоря, занималась всем я, а Георгий Христофорович только документы подписывал. Но ничего – справились... Вы поймите меня правильно, Владимир Александрович, я не хвастаюсь, я просто хочу, чтобы вы поняли, насколько дорога мне наша больница и новый комплекс. Вся моя жизнь – здесь, а не дома, – Евгения Юрьевна широко раскинула руки и дважды трянула ими. – Домой я только спать прихожу. Что мне дома делать? Муж умер, внучка выросла, ей до меня дела нет, а правнуков я дождаться и не надеюсь...

⁸ Герой детективного романа Аркадия Адамова «Дело пестрых».

⁹ См. «Доктор Данилов в Крыму».

От такой откровенности Данилову стало немного неловко, но внутренний голос шепнул ему с намеком: «мягко стелет...». Голос не ошибся – рассказав немного о своей замечательной внучке, которая играет на фортепиано «лучше самого Мацуева», Евгения Юрьевна озадачила Данилова неожиданным предложением.

– Вы человек занятой, и научной деятельностью занимаетесь, и преподавательской, да еще и к нам регулярно приезжать приходится. У меня есть предложение, тем более вы сами упомянули о соавторстве. Поговорите с заведующим приемным отделением Валентином Александровичем. Ему лишняя публикация будет весьма кстати. Дайте задание, объясните ваш метод, и он вам все сделает в лучшем виде. Ну, что, нравится вам мое предложение?

– Предложение замечательное, Евгения Юрьевна, – ответил Данилов, дивясь настойчивости, с которой от него хотят избавиться. – И от сотрудничества с Валентином Александровичем я бы при других условиях не отказался, он произвел на меня очень хорошее впечатление. Но, как говорится, «коней на переправе не меняют» – я эту работу начал, мне ее и заканчивать, к тому же взгляд со стороны в данном случае предпочтительнее, чем изнутри.

– Как хотите! – Евгения Юрьевна обиженно надулась и стала настолько похожей на хомяка, что Данилов едва смог сдержать улыбку. – Мое дело предложить.

– Спасибо за предложение, Евгения Юрьевна, – Данилов постарался, чтобы его голос звучал как можно искреннее. – Для меня очень ценна поддержка администрации, ведь без нее я не могу продуктивно работать...

«Ну и язва же ты! – восхитился внутренний голос. – Все же подпустил шпильку».

Евгения Юрьевна предпочла пропустить шпильку мимо ушей. Смотрела исподлобья и ждала, что ей еще скажут. По выражению ее круглого, как блин, лица, чувствовалось, что беседу пора сворачивать – все нужное уже сказано.

– Кстати! – спохватился Данилов. – Возможно, что мои слова покажутся вам смешными, но я, наверное, должен это сказать, чтобы между нами не оставалось бы никакой неопределенности...

В глазах собеседницы сверкнули искорки заинтересованности.

– Кто-то из местного руководства может заподозрить, что я намеренно подкапываюсь под него, чтобы занять его место, – Данилов положил правую ладонь на грудь. – Заверяю вас, что подобные подозрения безосновательны. По зову трубы, если можно так выразиться, я временно покидал кафедру, но после возвращался обратно.¹⁰ Дело в том, что по складу характера я не имею никакой склонности к руководящей деятельности. Кафедра – оптимальное место для таких, как я. Руководить, по сути, никем не приходится, я преподаю, консультирую, занимаюсь научной работой, чувствую себя человеком на своем месте и никуда уходить не собираюсь. Честное слово.

– Да я ни о чем таком и не думала...

– Вдруг кто-то другой мог подумать, – Данилов вежливо улыбнулся. – Прошу вас, Евгения Юрьевна, довести до сведения сомневающихся, что меня опасаться не нужно. Кроме моей работы меня ничто больше не интересует. Если не верите, то можете спросить у Владислава Петровича, он подтвердит.

Расстались на нейтральной ноте. У Данилова почему-то сложилось впечатление, что шеф промахнулся со своим предположением относительно боязни конкуренции со стороны местных деятелей. Или же Евгения Юрьевна – хорошая актриса... Не, актриса она и впрямь замечательная, вон как убедительно с ним откровенничала про работу, дом и гениальную внучку. А потом бац – и выстрел в лоб. Не хотите ли проучить подготовку материалов с Валентином Александровичем? И ведь кто другой с радостью бы ухватился за такое предложение, время же всем дорого, а лишняя фамилия в перечне авторов ничего не меняет... Даже бонус может

¹⁰ См. «Доктор Данилов в Крыму» и «Доктор Данилов в ковидной больнице».

обломиться, потому что многие сторонние соавторы благодарят тех, кто привлек их к сотрудничеству, магарычами или ресторанными ужинами. У того же Савельева всегда куча соавторов, кто из нужных людей, кто из благодарных, а кто и по взаимному обмену – ты меня соавтором сделал, а я тебя. Поэтому самое последнее, на что следует обращать внимание в научном мире, это количество публикаций. Когда Данилову пеняли на малое количество публикаций, он придавал лицу пришибленное выражение лица и отвечал, налегая на «о»: «Так ведь у нас, господа, товар особый – не размахом берем, а штучной выделкой». Выходило хорошо – и доходчиво, и не обидно для собеседников.

В сияющем чистотой туалете второго этажа административного корпуса Данилов увидел совершенно неожиданное здесь граффити. На внутренней стороне двери витиеватым почерком, свидетельствующим о тщеславии и неудовлетворенности жизнью, было написано маркером в две идеально ровные строки: «Слово главного врача – это конституция, а слово начмеда – закон». Судя по отсутствию следов, надпись стирать не пытались, стало быть, она пришлась к месту. Данилов сфотографировал надпись на память и отправил фотографию Елене – у человека тяжелый период, пускай лишний раз улыбнется. Можно было предположить, что на двери самовыразилась Евгения Юрьевна, но вряд ли она стала бы делать это в мужском туалете. Может, главный врач постарался? Интересно было бы посмотреть на него вживую...

Главного Данилов видел только на фотографии, размещенной на сайте больницы. Красавец мужчина в самом соку, немного похожий на артиста Даниила Страхова. Подбородок волевой, взгляд орлиный, шевелюра такая, что, небось, по две расчески на неделе приходится менять... В глубине души Данилов считал себя эстетом, но чрезмерная, эталонная красота восторга у него не вызывала. Все хорошо в меру и мера хороша во всем.

Пребывание в больнице имени Буракова оставило стойкое впечатление нехватки воздуха. Поначалу Данилов даже напрягся – уж не приступ ли это стенокардии, завуалированный под легочную проблему? – но беглая самодиагностика убедила в том, что сердце и легкие в порядке, дело в голове. Для того, чтобы проветрить голову и собраться с мыслями, Данилов пошел к метро кружным путем.

Он явно коснулся какой-то тайны, которую тщательно скрывает больничная администрация. Коснулся случайно, ненароком, и пока еще сам не понял, что не так... Или – может коснуться в процессе изучения истории болезни, от которого его только что сначала пытались отговорить, а затем отвести, подсовывая ассистента-соавтора.

Связана ли эта тайна со стационарным скорпомощным комплексом? Скорее всего – да, но не обязательно, поскольку для сопоставления он просматривал истории болезни за первый и второй кварталы этого года. Кстати – шеф непременно поставит ему это на вид, скажет, что во всем, что касается оказания экстренной и неотложной медицинской помощи нужно учитывать сезонность, так что лучше всего сравнивать с четвертым кварталом позапрошлого года... И как только сам он не сообразил очевидного? Воистину – и на старуху бывает проруха. Ничего, сравним и с четвертым кварталом...

А почему, собственно, украли материалы? Для того, чтобы выжить его из больницы или же он взял в архиве какие-то «не те» истории болезни? Но, позвольте – Евгения Юрьевна явно не дура, опыта ей не занимать и порядок в больнице она поддерживает на должном уровне. А там, где порядок, «стремные» истории болезни в архив не попадают, их непременно доводят до ума, убирая все потенциально чреватое. Опять же, самое стремное – это лечебный процесс, которого он практически не касался, оценивая, главным образом, сроки обследования и конечный результат. Копировал, в основном, выписные эпикризы,¹¹ иногда – данные обследований. И еще пару раз скопировал крайне лаконичные записи обходов заведующего отделе-

¹¹ Выписной эпикриз (в просторечии – «выписка») – медицинский документ, который пациент получает на руки по завершении стационарного лечения. По сути, выписной эпикриз представляет собой краткий конспект истории болезни.

нием кардиореанимации. Это уже для себя лично, чтобы показывать студентам, как не следует писать обходы. Но криминала в этом никакого нет и администрации из-за такой мелочовки трепыхаться незачем.

Однако же – трепыхаются и трепыхаются сильно. И не потому, что кто-то боится конкуренции со стороны прыткого доцента. По поведению Евгении Юрьевны было видно, что эта тема ее совершенно не волнует. Да и справки о нем она навела стопудово, серьезные люди предпочитают знать, с кем они имеют дело, а если копнуть глубоко, то станет ясно, что во время руководства департаментом здравоохранения города Севастополя поводов для снятия не было – сам ушел... Впрочем, нестандартная биография может озадачить с другой стороны – может привести на мысль о том, что скромный доцент на самом деле является каким-нибудь тайным советником для особых поручений при департаменте или министерстве... Но тогда бы Евгения Юрьевна не рискнула бы вести себя столь нагло, стелилась бы ковром под ногами и пыталась бы задобрить-подкупить... Или она на свои крепкие тылы надеется. Интересно – а какие у нее тылы?

«Тебе не надоело ходить вокруг да около? – ехидно поинтересовался внутренний голос. – На Савельеве обжегся, так теперь все возможные варианты прорабатываешь, слушать тошно... А почему чувства не рассматриваешь? Может, Евгения Юрьевна запала на тебя с первого взгляда, а ты на ее флюиды не отреагировал и теперь она тебе мстит за свою растоптанную любовь?».

Данилов ужаснулся тому, что в потаенных глубинах его бессознательного, откуда вещал внутренний голос, могла таиться возможность романтических отношений с Евгенией Юрьевной... Все может познать человек, только самого себя он никогда не познает.

«Да иди ты сам знаешь куда...», посоветовал голосу Данилов.

«Любви все возрасты покорны, любви открыты все сердца, – глумливо продекламировал голос и перешел на серьезный тон. – Ну это же и ежу понятно, что у них нелады в комплексе. Дело новое, много новых сотрудников, контроль толком не отлажен, люди друг к другу пока еще не притерлись, новые стандарты не успели стать рефлексамми. Вот и лажает народ через два шага на третий, начиная с триажа¹² и заканчивая сроками... И это все в условиях повышенного внимания со стороны департамента, мэрии и министерства. Не справишься – вылетишь вон вперед собственного визга и даже в захудалой поликлинике заведовать отделением не доверят. Нынче же время такое – облажавшимся второго шанса не дают. Присмотрись к «приемнику» и диагностическому отделению, Владимир Шерлокхолмсович, и откроется тебе истина во всей своей неприглядной красе...».

Внутренний голос, как обычно, был прав. Конечно же дело в организации работы комплекса. Статистика у них в ажуре, истории болезни в порядке, но где-то явно зарыта собака и, возможно, что не одна. Неверно оценивают тяжесть состояния и постфактум переписывают истории, сразу же запуская пациентов по красному коридору?¹³ Положили в терапию с купированным гипертоническим кризом, а назавтра пациент выдал полную картину инсульта или инфаркта и его вчерашним днем оформляют в реанимацию? Теоретически такое возможно и если они заодно подчищают седьмую форму,¹⁴ а умные люди должны это делать, то концы надежно прячутся в воду... Нет, не очень надежно, ведь если пациенту вводились препараты, подлежащие предметно-количественному учету, то... А что? В пределах одного стационара

¹² Триаж – процедура медицинской сортировки пациентов на различные группы в зависимости от тяжести состояния, определяющей срочность оказания медицинской помощи и ее объем. Приемные отделения стационарных скорпомощных комплексов делятся на три зоны – красную, предназначенную для наиболее тяжелых пациентов, желтую, для нуждающихся в непрерывном наблюдении, и зеленую, в которую направляются пациенты в стабильном состоянии.

¹³ «Красный коридор» – то же самое, что и «красная зона».

¹⁴ Имеется в виду учет движения пациентов и коечного фонда стационара, который ведется по) специальной учетной форме № 007.

можно и этим манипулировать, если все причастные будут держать рот на замке. Рискованно, спору нет, но возможно. Наркоконтроль же постоянно над душой не стоит, главное, чтобы общие количества по больнице сходились. Да, это куча народу, но Елена Юрьевна сидит на своей должности шестнадцать лет, сама об этом сказала еще в первую встречу. За такой срок можно окружить себя верными и надежными людьми на всех уровнях. Всемирная медицинская мафия – это миф, в который верят только доверчивые простаки, а вот локальных, учрежденческих медицинских мафий предостаточно. Взять, хотя бы, прошлогодний шухер в Центре хирургии имени Бусалова, откуда учетные и дефицитные препараты много лет уходили налево в оптовых количествах. В министерстве народ за головы хватался – ну как такое возможно? Да запросто, при условии, что все связаны крепкой круговой порукой и действуют осторожно. Краденое сбывалось не в Москве (Боже упаси так светиться!), а в Петербурге и Нижнем Новгороде. Отлаженный криминальный механизм работал бы и по сей день, если бы не опрометчивое поведение заместителя директора по организационно-методической работе, любившего крутить романы с подчиненными. Получив отставку, очередная любовница обиделась настолько, что отправилась в Следственный комитет и сдала «изменщика» с потрохами, то есть – со всеми поделчиками, а сама за чистосердечное признание и помощь следствию получила отпущение всех грехов. Талантливый человек, как известно, талантлив во всем. Если Евгения Юрьевна смогла наладить легальную работу своих подчиненных, то и нелегальную тоже сможет.

Большое количество новых сотрудников не могло не отразиться на работе комплекса. Для работы в «островках медицины будущего» планировалось нанять около двух тысяч врачей (по три с лишним сотни на комплекс) тридцати различных специальностей. Требования были впечатляющими, начиная с высокой коммуникации с пациентами и сотрудниками и заканчивая стрессоустойчивостью. Но откуда взять столько замечательных специалистов? Переманивать из поликлиник? У поликлинических врачей опыт другой, они быстро в новый режим переключиться не смогут. Надеяться на приток кадров из регионов? Надо понимать, что в столицу далеко не всегда едут лучшие из лучших. Лучшие – они в родных пенатах хорошо устроятся, потому что высококлассным специалистам администрация обычно во всем идет навстречу – невысокая заработная плата будет компенсирована солидными премиями и иными стимулирующими выплатами, а также разного рода поблажками. Десять раз подумаешь о том, стоит ли менять привычный налаженный быт на столичную суету, где всю разницу в доходах будет съедать аренда полубомжацкой комнаты?

Скорпомощной стационарный комплекс городской клинической больницы имени Буракова стал первым в России и потому у Данилова не было возможности проконсультироваться с кем-то сведущим. Самыми сведущими в данном вопросе были заместитель главного врача по медицинской части Колбина и заведующий приемным отделением Мацнёв. С ними не посоветуешься, а с другими сотрудниками комплекса советоваться бесполезно, поскольку они не видят общей картины такой, какова она есть на самом деле. Да и опасно это – ходить да выспрашивать, снова могут от ворот поворот дать, на этот раз уже окончательный. Или провокацию какую-нибудь подстроят, вроде той севастопольской, с рыжеволосой нимфой...¹⁵ А потом в «Пустословце» опубликуют статью «Доцент-насилник» или «Доцент-развратник». С них станется, ибо сделавший одну подлость, способен сделать и другую. Да и потом слова, как говорится, к делу не пришьешь, нужны доказательства.

«А что ты станешь делать с доказательствами? – спросил внутренний голос. – Елене Юрьевне предъявишь или сразу в департамент?».

«À la guerre comme à la guerre»,¹⁶ блеснул знанием иностранных языков Данилов.

¹⁵ См. «Доктор Данилов в Крыму».

¹⁶ На войне как на войне (франц.).

Неприятный инцидент незаметно превратился в войну и Данилов в очередной раз собирался опровергнуть пословицу, гласящую, что «один в поле не воин».

По уму полагалось досадовать на то, что дело, поначалу казавшееся не хлопотным и беспроблемным, превратилось в нечто противоположное. Но Данилов скорее радовался, чем досадовал. Жизнь подкинула ему очередную загадку – это же так интересно, интереснее любого диагностического поиска! Ну а если и досадовал слегка, то исключительно по поводу своей невнимательности – явно же пропустил то, что должен был бы заметить.

Глава пятая. Есть такое лекарство – галоперидол

Ревакцинация от ковида порой приводит к последствиям, которые медицинская наука предсказать не в силах. Лучшего друга Игоря Полянского, семейная жизнь которого с недавних пор дала трещину, ревакцинация довела до развода. Сходил мужик в районную поликлинику, увидел в процедурном кабинете девушку, полумесяцем бровь – и влюбился в нее со всей пылкостью своей восторженной души. Она, вроде как, тоже была не против, но уступила не сразу – Полянскому пришлось приложить определенные старания для того, чтобы добиться ее благосклонности. Но еще до первого соития с прекрасной медсестрой у Полянского состоялся серьезный и окончательный разговор с супругой, итогом которого стала подача заявления о разводе. При отсутствии детей и имущественных претензий развод превращался в простую формальность. Супруга съехала в свою квартиру, находившуюся в соседнем доме, а Полянский благородно оплатил ей косметический ремонт, настоятельно требовавшийся после многих лет сдачи в аренду. Короче говоря, расстались друзьями. Данилов подобные расставания приветствовал, поскольку любой, даже самый худой мир, безусловно лучше доброй ссоры.

Предложение отметить развод в ближайшую субботу стало для Данилова такой же неожиданностью, как и внезапный роман с медсестрой.

– Это обязательно? – поинтересовался Данилов.

– Абсолютно обязательно! – уверенно ответил Полянский. – Любые жизненные циклы должны быть закрыты, иначе зависшая незавершенность станет отражаться на будущем. Свадьбу я отмечал? Значит – нужно отметить и развод. В обществе моего единственного друга.

– Только в моем обществе? – уточнил Данилов, помня, как любил Игорь знакомить его со своими новыми пассиями.

– Мне его будет совершенно достаточно, – заверил Полянский. – И давай на этот раз посидим у меня. Не хочется всей этой ресторанной суеты и неожиданностей в виде пересушенных стейков.

Вообще-то Полянский любил бывать в заведениях и запросто мог бы написать ресторанно-барный путеводитель по Москве, но иногда диетолог и кулинар брал верх над гулякой. Видимо сейчас настал тот самый момент.

Вообще-то Данилов планировал посвятить субботу и часть воскресенья восстановлению утраченных материалов, но лучшие друзья разводятся не каждый день и человеческие отношения всяко важнее рабочих дел.

Елена отреагировала на новости фразой «седина в бороду – бес в ребро», но, собственно, ничего другого Данилов от нее не ожидал. Жена недолюбливала Полянского, считая, что он плохо влияет на Данилова, да и настроение у нее всю неделю было мрачным. На вопрос «как дела» отвечала: «еще не сняли» и в подробности не вдавалась. А вот Мария Владимировна неожиданно вдохновилась тем, что отец родной не оставляет своих друзей в трудную минуту без поддержки и, конечно же, надавала советов от мудрых стойков древности. Все эти советы неизменно сводились к одному и тому же – представь, что все могло бы быть хуже, и тебе полегчает.

Меню они не оговорили, поэтому Данилов решил подстраховаться – купил бутылку красного «сухаря» и два килограмма сладких красных яблок. Вдруг Полянскому настолько тяжело, что душа к готовке не лежит? Но, выйдя из лифта, понял, что очень даже лежит – на лестничной площадке пахло жареным мясом и какими-то пряностями, букет был настолько сложным, что Данилов не смог разложить его на составляющие.

– Ты немного опоздал со своими яблоками, – сказал Полянский, приняв у Данилова пакет с гостинцами. – Гусь уже доходит, вместе с яблоками и черносливом...

– Гусь? – Данилов уважительно поднял брови. – С чего вдруг?

– Сашенька постаралась, – усмехнулся Полянский. – Сказала мне на прощание: «хорош гусь!», вот я и решил приготовить на отмечание развода гуся.

– Хорошо, что она тебя «кобелем» не назвала, – порадовался Данилов.

В ожидании гуся, которому следовало немного потомиться в выключенной духовке, выпили по бокалу вина и съели по яблоку. Разумеется, Полянский в очередной раз поведал, что фрукты надо есть до основного блюда, а не после. Данилов в ответ сообщил, что Волга впадает в Каспийское море и солнце сегодня взошло на востоке, а затем попросил Полянского показать фотографию новой пассии.

– У меня нет ее фотографии, – ответил друг. – Нам во время встреч как-то не до фотографий, да и зачем они мне? Я же как закрою глаза, так и вижу ее, словно наяву.

В подтверждение сказанного, он на несколько секунд прикрыл глаза и промычал: «м-м-м...».

– Любовь – прекрасное чувство, – сказал Данилов, которому ничего кроме этой шаблонной пошлости на ум не пришло.

– Невероятно прекрасное! – подхватил Полянский. – Вот теперь-то я понял все – и для чего была нужна пандемия, и чего мне недоставало с Сашенькой! Пандемия была нужна для того, чтобы я познакомился с Аллочкой...

Данилов многозначительно хмыкнул.

– Да-да! Именно для этого. Ведь если бы не было пандемии, то не было бы и вакцинации, а по другим делам меня в нашу районную поликлинику не занесло бы. А Сашенька не давала мне самого главного – возможности заботиться о ней! Она окружала меня заботой, эгоистка этакая, а мне заботиться о ней не позволяла. А какая может быть любовь без заботы? Любовь – это в первую очередь забота. Если любишь, то хочется просто укутать любимую в свою заботу...

– Есть такое лекарство – галоперидол, – сказал Данилов. – Многим помогает.

– Да что с тобой говорить? – Полянский мгновенно съехал в минор. – Знаешь, ты не обижайся, пожалуйста, но я постоянно удивляюсь, как такая тонко чувствующая и возвышенная женщина, как Елена, живет с тобой, приземленным циником-мизантропом? Ну при чем тут галоперидол? Да – мне нравится заботиться об Аллочке, и я счастлив, что у меня есть такая возможность...

Дважды пискнул телефон Полянского, лежащий на журнальном столике (устроились, как обычно – на диване, а напротив, в кресле).

– Аллочка! – сказал Полянский, посмотрев на дисплей. – Соскучилась, милая...

Улыбнувшись во все тридцать два зуба, он протянул телефон Данилову.

«СКУЧАЮ!!! СКУЧАЮ!!! СКУЧАЮ!!!!!!!!!!!!!! – писала капслоком Аллочка. – НА ЛЕВОЙ ЩЕКЕ ЦАРАПИНА ОТ ТВОЕЙ ЩИТИНЫ ЛЮБИМЫЙ МОЙ. МУЖ НИЧЕГО НЕ ПОНЯЛ А МЛАДШАЯ КАЖИСЬ ДОГАДАЛАСЬ НО ОНА МЕНЯ НЕ ВЫДАСТ ПОТОМУЧТО МАМИНА ДОЧКА И УМНИЦА. ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!! ЛЮБЛЮ!!! ЛЮБЛЮ!!!!!!!!!!!!!!!».

Сына преподавательницы русского языка и литературы покорили и множественные восклицательные знаки, и бессмысленные повторы слов, и отсутствие запятых, и «кажись» с написанным слитно «потомучто», но сильнее всего разила «щитина». Подумалось о том, что древние славяне могли называть этим словом большие щиты. Махина, громадина – щитина. Друга удивило наличие у Алочки мужа и, как минимум, двух дочерей. Прежде Полянский избегал «обремененных» женщин. А доктор со стажем, повидавший многое и многих, заподозрил, что у лучшего друга начались нелады с головой. Но деликатный гость ограничился одним нейтральным словом.

– Ясно.

– Ничего тебе не ясно! – Полянский забрал у Данилова телефон и начал набирать ответ. – Любит она меня, понимаешь – любит! И я ее люблю!

– А муж? – не без ехидства спросил Данилов.

– Что – муж? – удивился Полянский.

– Муж ее любит?

– Муж – объелся груш! – огрызнулся Полянский. – Он считает себя музыкантом, человеком искусства, но за двадцать шесть лет так и не смог понять, какая женщина живет с ним рядом! Нет, не живет! Страдает!

Данилов незаметно ущипнул себя за ляжку, чтобы убедиться, что это не сон. Двадцать шесть лет вместе? Это сколько же ей? И с чего вдруг наш любитель юных прелестниц переключился на зрелых дам?

– Он ей куртку не захотел купить, представляешь?! – заливался курским соловьем Полянский. – Сказал, что старую еще пару лет поносить можно, если в химчистку отдать. Прикинь, какой жлоб! Видел бы ты эту куртку! Ее не в химчистку надо отдавать, а бомзам! А я купил ей сразу две – зимнюю и демисезонную. Потому что я не жлоб и привык платить за любовь!

– Любовь – это чувство, – скромно заметил Данилов. – На чувства принято отвечать или не отвечать. А платят обычно за услуги. Улавливаешь разницу?

– И сказано же, – торжественно-замогильным голосом провозгласил Полянский, – не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас.¹⁷

– Аминь! – таким же голосом добавил Данилов и, перейдя на обычный, спросил: – Гусь там не истомился в ожидании?

Полянский картинно вздохнул – тебя только еда интересует и пошел на кухню.

– На Кавказе есть такое правило, – начал он, после того, как румяный и умопомрачительно пахнущий гусь был принесен и виртуозно разделан на восемь порционных частей. – Гость – это посланник Бога, ему нельзя сказать ничего обидного. Но, после того как гостя проводили за околицу, и он сделал три шага, он перестает быть гостем и ему можно высказать все, что хочется, а то и накостылять.

– Я за околицу не пойду, – усмехнулся Данилов. – Я к подъезду такси вызову, это, во-первых. Во-вторых, скорее я тебе накостыляю, чем ты мне. А самое главное то, что от вкусной и обильной еды люди добреют. Сейчас мы поедем, выпьем, вспомним молодость, и ты меня простишь. Сам посуди – должен же кто-то говорить тебе правду. Я пока выражался намеками, но сейчас скажу прямо. Мне кажется, что ты идешь по неверному пути, а эта твоя пылкая восторженность меня просто пугает.

– Ты в своем амплуа, – констатировал Полянский. – Ничего не знаешь, с Аллочкой не знаком, меня толком не выслушал, а уже понял, что я иду по неверному пути. А я тебе ведь даже про наш секс рассказать не успел! Видел бы ты, как на меня соседи уважительно смотреть начали... Слышимость-то в доме хорошая, в ночь на среду и субботу можно слушать бесплатную ночную радиопостановку «Ромео и Джульетта!».

– При наличии мужа она ночует у тебя? – изумился Данилов. – Но при этом опасается, что муж узнает, отчего царапина на щеке?

– Мы шифруемся, – Полянский горделиво улыбнулся. – Дело в том, что нам мало двух-трех часов, нам нужна целая ночь, до-о-олгая ночь. Она сказала дома, что нашла подработку – вечерние дежурства в клинике «Семейный врач» по вторникам и пятницам, а я, соответственно, выплачиваю ей «зарплату», которую она вносит в общий котел. Подработка без денег – это очень подозрительно. Если б ты знал, какая это женщина! – Полянский восхищенно закатил глаза. – Выглядит на тридцать лет моложе паспортного возраста. Вот серьезно, ей больше девятнадцати не дашь – лицо без морщин, фигура спортивная, вся такая ухоженная, сладенькая...

¹⁷ Мф. 7:6.

Прибавив в уме к девятнадцати тридцать, Данилов немного удивился итогу, но разговор пора было уводить со скользкой романтической тропы.

– Давай гуся есть, – предложил Данилов. – А то он обидится и улетит от нас.

Гусь оказался восхитительным, а запас вина у Полянского был большим. Данилов предложил выпить и за мастерство кулинара, и за его умение выбирать отменную птицу, и за его умение виртуозно сочетать пряности, и за тех добрых людей, которые привозят в Москву из Узбекистана такой замечательный чернослив... Короче говоря, пошатнувшийся было мир быстро восстановился и окреп настолько, что Полянский пригласил Данилова в свидетели – мол один раз был им, давай уж и во второй – а Данилов заверил, что он готов и в третий, и в четвертый, и в пятый.

Домой Данилов заявился в разгар прений между женой и дочерью. Мария Владимировна просила у матери денег на какую-то обалденную кожаную сумку-рюкзак, а Елена стояла на том, что школьнице за глаза достаточно трех рюкзаков и двух сумок в придачу.

– И сколько лет новой пассии Игоря? – ехидно поинтересовалась Елена, радуясь возможности сменить тему. – Восемнадцать ей хотя бы стукнуло?

– А попробуй угадать! – предложил Данилов. – Если угадаешь – я дам Маше денег на сумку, а если ошибешься – то за каждый год разницы выдашь ей сто рублей.

– Ура! – Мария Владимировна восторженно захлопала в ладоши. – Сумка будет в любом случае!

– Не раскатывай губы! – осадил ее Елена. – Я больше, чем на двести рублей не ошибусь.

После того, как рукопожатие было разбито Марией Владимировной, Елена призадумалась на несколько секунд и уверенно сказала:

– Девятнадцать!

– С тебя три тысячи! – сообщил Данилов и стал наслаждаться произведенным эффектом, сильно напомиавшим финальную сцену гоголевского «Ревизора».

Глава шестая. Интересные дела

Понедельник выдался бурным. Началось с того, что во время практического занятия потеряла сознание студентка. Девушка была крайне сознательной – продолжала учиться на седьмом месяце беременности, хотя подавляющее большинство на таком сроке уходило на больничный. Одно дело – в аудитории теорию словесности изучать, и совсем другое – ходить по отделениям с обходами. Помимо прочих опасностей, в больнице гораздо больше шансов подцепить какую-нибудь инфекцию, нежели в других присутственных местах. Да и сам образовательный процесс в медицинских вузах организован сложно. Практическое занятие может проходить в одном месте, а лекция – совершенно в другом, вот и носишься по городу савраской. А Москва – город большой.

Девушка быстро пришла в себя и порывалась снова включиться в учебный процесс, но Данилов настоял на снятии кардиограммы, срочном анализе крови и консультации невропатолога. Заодно и другим студентам попытался внушить, что любая потеря сознания требует внимания. Даже если человек быстро пришел в себя, нужно провести обследование, убедиться в стабильности состояния и только после этого отпускать его на все четыре стороны. В последнее время внушать стало легче, поскольку любое внушение можно было проиллюстрировать парочкой недавних судебных разбирательств, а ничто так не учит, как яркий пример из жизни. На сей раз Данилов рассказал о враче приемного отделения больницы имени Виноградова, который без обследования отпустил пациента, доставленного «скорой» со станции метро «Профсоюзная». Пациент торопился домой, от госпитализации категорически отказывался, а потерю сознания объяснял духотой в вечернем «пиковом» метро. Врач, недолго думая, взял с него отказную расписку и занялся другими делами. До метро пациент не дошел – умер на улице, примерно в двухстах метрах от больницы. На вскрытии обнаружился свежий трансмуральный¹⁸ инфаркт нижней стенки левого желудочка. На врача завели уголовное дело по «халатной» двести девяносто третьей статье. Итог – два года лишения свободы, причем не условно, а с отбыванием.

– Но это же несправедливо! – сразу же загалдели студенты. – Правовой беспредел! Можно опротестовать!

– Запишите то, что я вам сейчас скажу, – Данилов звучно хлопнул ладонью по столу, чтобы прекратить галдеж. – Кроме шуток. Реально запишите и перечитывайте утром и вечером до тех пор, пока мои слова не отпечатаются прочно в ваших головах. – Первое – пациент может недооценивать тяжесть своего состояния, но врач не имеет права на ошибку...

Новое время – новые правила. Ручкой по бумаге водили только двое, остальные тыкали пальцами в свои телефоны.

– Второе – врач обязан разъяснить пациенту, в доступной для него форме, все, что касается состояния здоровья и необходимого лечения. Если пациент чего-то не понял, то виноват в этом врач. Недоходчивое объяснение считается проявлением халатности...

Данилов вспомнил, как во время работы на скорой помощи порой приходилось пускаться на хитрости. Если госпитализация была нужна однозначно и бесповоротно, а уговорить пациента никак не получалось, то бригада притворно соглашалась оставить его дома и предлагала «витаминный укольчик для поддержания сердца». На деле вкалывали что-то релаксирующее, выжидали несколько минут и везли упряма в стационар. Но такими знаниями со студентами делиться нельзя, они предназначены для посвященных обладателей дипломов.

– Третье – многие болезненные процессы приводят к неадекватному восприятию реальности, в том числе и собственного состояния. Если у вас есть сомнения в адекватности паци-

¹⁸ То есть – крупноочаговый.

ента, то расписки с него брать нельзя. Нужно его задержать, если понадобится – то и зафиксировать, и срочно вызвать психиатров. По жалобе на необоснованное задержание в отделении вы больше выговора не получите, а за халатность можно получить до пяти лет, – Данилов выдержал небольшую паузу и продолжил. – Если все сказанное кажется вам несправедливым, абсурдным или беспредельным, то есть такая специальность – медицинский статистик, в которой за халатную обработку данных дают не сроки, а выговоры. Имеющий уши – да услышит.¹⁹

– Патологоанатом – тоже спокойная работа! – сказал один из студентов.

– Ну что вы! – мягко упрекнул Данилов. – Неверное гистологическое заключение,²⁰ повлекшее за собой неправильное лечение, закончившееся летальным исходом, может обернуться пятью годами оздоровительного труда в условиях, далеких от санаторных.

Около полудня этажом выше прорвало трубу отопления и в кабинете Данилова с потолка весело закапал теплый дождик. Прибежавшие на помощь больше мешали, чем помогали, основную работу по эвакуации имущества в коридор выполнили Данилов с аспирантом Нигижмановым. Когда эвакуация была завершена, Данилову позвонил доцент Гусев и сообщил, что кабинет как минимум на месяц полностью переходит в его распоряжение, потому что коллегу угораздило сломать обе кости правого предплечья. Поскользнулся на улице, выставил вперед руку – и вот вам результат.

– Если хотите, то можете замок поменять, – предложил Гусев, имея в виду недавнее происшествие.

– Спасибо, но я лучше капкан у двери установлю, – ответил Данилов. – Это надежнее, да и вор куда не убежит.

– Ну что вы! – завелся было Гусев. – Капкан – очень опасная штука! А-а, вы шутите... А я, представьте, купился, потому что мой сосед летом в гараже капкан установил, после того как к нему в течение месяца трижды воры наведывались – то колеса с машины сняли, то весь инструмент вынесли. И представьте – сам же в него спяну и угодил, хорошо еще, что ноги не лишился. А вы узнали, кто забрал вашу документацию? Надеюсь, что меня вы в этом не подозреваете?

– Ну что вы, Анатолий Самсонович! – успокоил Данилов. – Ни в коем разе! Скорого вам выздоровления!

Потоп в кабинете и гусевский перелом явно были связаны невидимыми нитями судьбы, создававшей условия для плодотворной работы в больнице имени Буракова. Опять же, без причины как-то неловко отпрашиваться у шефа на несколько дней, тем более что в пропаже коробки есть и прямая даниловская вина – нечего было материалы в чужом кабинете оставлять. А тут одно к другому, да вдобавок вторничные и четверговые занятия со студентами любезно согласился провести доцент Сааков, выторговав себе за это «поляну в древнеримском стиле», иначе говоря – ужин с обилием еды и напитков.

Больничный завхоз, трепетавший перед шефом, обещал ликвидировать последствия потопа уже послезавтра, как только потолок слегка подсохнет. Вынесенную из кабинета мебель оставили в коридоре, а все мало-мальски ценное Данилов перенес в кабинет Саакова. Коллега, знавший о пропаже коробки, сразу же начал клясться страшными клятвами в том, что станет ночевать в кабинете, нет, не ночевать – а бдеть неусыпно, чтобы никакой «гётверан» не смог бы покуситься на даниловские бумаги. Хорошо зная Саакова, Данилов допускал возможность подобного развития событий. Любвеобильный Артур Бениаминович, которого супруга держала в ежовых рукавицах, использовал любой повод для того, чтобы, как он выражался, «надышаться свободой». Заночует в кабинете, с очередной своей Дульсиной, и действительно

¹⁹ Мф.13:9

²⁰ Гистологическое исследование – это исследование тканей (частиц органов) с целью определения характера патологического процесса, чаще всего – дифференциальной диагностики между злокачественными и доброкачественными опухолями.

не сомкнет глаз всю ночь. Шеф однажды высказался по поводу того, что некоторые сотрудники путают кафедру с почасовым отелем, на что Сааков заметил:

– А вот Оскар Уайльд считал, что именно любовь, а не немецкая философия служит объяснением нашего мира!

Другой бы огреб за это по самое не могу, но Саакову и не такие эскапады с рук сходили. Шеф относился к нему, как к шуту, а шутам можно говорить все, что вздумается, невзирая на лица и должности. Опять же, лучше пусть в лицо говорят колкости, нежели за спиной.

Наиболее ценные материалы Данилов унес домой. Отругал себя за чрезмерную мнительность – пуганая ворона куста боится – но все же унес, так было спокойнее.

В прихожей Данилов наткнулся на три картонные коробки, поставленные друг на друга. Коробки были как две капли воды похожи на ту, что у него украли. На вешалке висело пальто Елены, а из глубин квартиры пахло кофе. К нему Елена не вышла и вообще никак не отреагировала на хлопок входной двери, что свидетельствовало о крайне плохом настроении. Данилов нарочно замешкался в прихожей, пытаясь выбрать оптимальную линию поведения. Утешать? Делать вид, что ничего не случилось? Начать обсуждение перспектив? Так и не определившись, он прошел к сидящей за кухонным столом Елене, положил руки ей на плечи и сказал бодрым голосом:

– Что-то я ужасно проголодался! Давай, закажем какой-нибудь вредной еды! Москва – замечательный во всех отношениях город. Хоть плов самаркандский тебе привезут, хоть утку по-пекински... Но лично я всю дорогу мечтал о большой тарелке самолетных пельменей с пагубной для здоровья жирной сметаной...

– Пельмени проще самим сделать, – ожидаемо ответила Елена.

– И то правда! – согласился Данилов. – Тем более, что в закромах есть и свинина, и говядина...

– Только счастья нету, – пробурчала под нос Елена.

– Нету, – снова согласился Данилов. – Какое счастье на голодный желудок? Готовь тесто, а я начинкой займусь.

По мере развития процесса лицо Елены светлело все больше и больше. Одержав убедительную победу в соревновании по скоростной лепке пельменей, она улыбнулась и торжественно показала Данилову кончик языка.

«Молодец!», похвалил себя Данилов. Поставив на плиту кастрюлю с водой, он позвонил дочери, которая после школы зашла к кому-то из подруг, сообщил о том, что дома ее ждут пельмени и попросил купить тридцатипроцентной сметаны. Дело было не в сметане, за которой Данилов мог бы выйти и сам, благо супермаркет находился в минутной доступности, а в неиссякаемом оптимизме Марии Владимировны, который сегодня был особенно кстати. Хорошо бы и Никиту позвать, но тот уже десятый месяц волонтерил в Донецке – оказывал психологическую помощь местным жителям в рамках программы «Мы вместе с Донбассом». При каждом очередном известии о обстреле Донецка Елена звонила сыну и слышала в ответ, что он находится в «абсолютно безопасном месте». Никита держался молодцом. Голос у него всегда был бодрым, а новости – неизменно позитивными. Отъезд Никиты окончательно рассорил Елену с его биологическим отцом, некогда преуспевавшим адвокатом Новицким. Разрыв произошел на глазах у Данилова и Маши, во время позднего воскресного завтрака. Елена ответила на звонок, произнесла несколько нейтральных фраз и вдруг выдала такой многоэтажный оборот, что Маша от неожиданности прикусила язык, а Данилов выронил вилку. Раздраженно швырнув телефон на стол, Елена виновато посмотрела на них и сказала:

– Прошу прощения, не сдержалась.

– А кто это был? – полюбопытствовала Маша.

– Да так, одно животное, – ответила Елена.

«Животное» в устах жены поразило Данилова сильнее материны. Сам он с расспросами не полез, поскольку и так понял, кто звонил – в жизни жены был всего один человек, способный попасть в столь нелестную категорию. После того, как Мария Владимировна ушла к себе, Елена шепотом прокомментировала ситуацию – Новицкий назвал Никиту «м...ком», а ее «дурой, которая не смогла удержать сына в Москве», за что и огреб.

Данилов принципиально не позволял себе критических замечаний в адрес первого мужа Елены, хотя иногда язык сильно чесался. Вот и сейчас, вместо того чтобы добавить свои пять копеек, он предпочел высказаться нейтрально:

– Не злись на него, он не стоит твоих нервов.

– А я на него никогда не злилась! – скинулась Елена. – Я злюсь на тебя! Если бы ты вел себя правильно, мне бы не пришлось связываться с этим!

– О, сколько новых слов я сегодня выучила! – послышалось из коридора. – Надо будет похвастаться на литературе своим богатым словарным запасом...

Пока пельмени варились, Данилов накрыл стол в гостиной. По высшему праздничному разряду – с обилием посуды и тканевыми салфетками в мельхиоровых кольцах.

– Разве сегодня праздник? – удивилась пришедшая Мария Владимировна.

– Еще какой! – ответил Данилов. – Международный день радио, одного из важнейших изобретений человечества. Можно сказать и иначе – Международный день беспроводной связи. Надо отметить!

– У меня тоже сегодня праздник, – не очень-то весело сказала Елена. – День начала новой жизни. Мне удалось уйти по соглашению сторон, и я этому очень рада.

– Что – были другие варианты? – недоверчиво спросил Данилов.

– Были, – усмехнулась Елена. – Главный жаждал крови и метал молнии, но я объяснила ему, что угол падения равен углу отражения и он прислушался. Мне даже электрический самовар в качестве прощального подарка преподнесли.

– Ух ты! – восхитился Данилов. – Покажи!

– Я его охраннику подарила, – сказала Елена. – Пусть ребята на дежурстве пьют чай из расписного самовара. Это будет скрашивать им суровые будни. К самовару еще и грамота прилагалась, но я ее в кабинете забыла. В корзине для мусора...

– А на зеркале помадой прощального послания не написала? – поинтересовался Данилов.

– Представь – было такое искушение! – рассмеялась Елена. – Но пожалела помаду, только вчера новую начала.

«В целом – все нормально, – подумал Данилов, глядя на Елену. – Удар держит хорошо, а печаль скоро пройдет. И вообще, лучше уйти и жить спокойно, чем постоянно дергаться в ожидании увольнения. Как говорил Ковбой Мальборо: «Лучше умереть, но чувствовать себя спокойно, чем жить и волноваться».

Жизнь определенно входила в светлую полосу. В архиве больницы имени Буракова Данилова встретили без былой приветливости, но никаких препятствий по отбору историй болезни не чинили. Известие о том, что Данилов собирается проработать в больнице три дня подряд, было воспринято равнодушно – хочется, так работайте. Даже коробку новую выдали, взамен украденной, но теперь Данилов решил, что будет забирать материалы с собой. На кафедре госпитальной терапии слегка удивились объемам копируемых бумаг, но Данилов объяснил ситуацию и его поняли. Поскольку истории болезни нужно было вернуть в архив до трех часов дня, Данилов решил сначала заготовить копии, а затем неспешно разбираться с ними хоть до глубокой ночи.

Сначала Данилов просматривал истории болезни, наклеивая закладки на те листы, которые нужно было скопировать. Немного торопился, потому что хотел сегодня восстановить все утраченное, но, видимо, информация, пропущенная при просмотре, отпечталась где-то в

глубинах сознания, потому что по возвращении в кабинет Данилову захотелось просмотреть заново две ноябрьские истории болезни.

Пациент Здериглазов, шестидесяти восьми лет, поступил по «скорой» с гипертоническим кризом, осложненным острым коронарным синдромом. В кардиологической реанимации был выставлен диагноз острого трансмурального передне-перегородочного инфаркта миокарда.²¹ В течение пяти дней состояние пациента было тяжелым, а затем он стабилизировался и в конечном итоге был выписан на амбулаторное лечение.

Семидесятилетнего пациента Крипакова «скорая» доставила с купированным приступом стенокардии. Вообще-то «купированных» положено оставлять дома, но Крипаков был взят с автобусной остановки, так что госпитализация в данном случае была обусловлена местом вызова, а не диагнозом... Так-то, да не совсем так. В приемном отделении у Крипакова диагностировали трансмуральный инфаркт нижней стенки левого желудочка и отправили его в кардиологическую реанимацию. Оттуда он был переведен в кардиологическое отделение и в положенные сроки выписан.

С точки зрения эксперта лечение Здериглазова и Крипакова не вызывало никаких нареканий. Обе истории болезни были оформлены идеально, хоть студентов по ним учи. При первом пересмотре Данилов не понял, что именно заставило его вернуться к этим историям. Но чашка крепкого, «двухпакетикового», чая прочистила голову и обострила внимание. Перелистав истории еще раз, Данилов улыбнулся и мысленно назвал себя «слепым кретином». Ну а как еще можно назвать врача с солидным стажем практической, научной и административной работы, который только с третьего раза обращает внимание на то, что записи за первые несколько суток пребывания в стационаре сделаны одним и тем же почерком.

Особенно интересной оказалась история болезни Крипакова. Здериглазов прямиком поступил в кардиологическую реанимацию, так что у него первичный осмотр и совместный осмотр с заведующим отделением теоретически могли быть написаны одной рукой. Врач на дежурстве принял пациента, наблюдал его до конца смены, показал заведующему отделением, записал обход в историю болезни и затем ушел домой. Но осмотр в приемном отделении и осмотр в реанимации никак не могут быть написаны одним и тем же человеком! И трое суток подряд в реанимационном отделении дневники не могут писаться одной и той же рукой, потому что врачи дежурят сутками. Бывают, правда, и такие, кто работает только в дневную смену, помогая дежурящим коллегам, но дневные врачи записывают последний осмотр не позднее шестнадцати часов, а дальше, каждые четыре часа, а при необходимости – и чаще, дневники пишутся дежурными врачами.

²¹ «Передне-перегородочным» называется инфаркт, при котором некротические изменения наблюдаются в передней стенке левого желудочка сердца и межжелудочковой перегородке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.